

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Дмитрий Ланко

Постсоветская
трансформация Эстонии:
модернизация
или мимикрия?

Препринт М-53/16

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2016

УДК 330.34
ББК 65.9(4Эст)
Л 22

Л 22 Ланко Д.

Постсоветская трансформация Эстонии: модернизация или мимикрия? / Дмитрий Ланко: Препринт М-53/16. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. — 52 с. — (Серия препринтов; М-53/16; Центр исследований модернизации).

В докладе представлены результаты исследования модернизации в Эстонии в 2006–2016 гг. в сравнении с некоторыми как восточноевропейскими, так и западноевропейскими странами, а также с результатами исследования модернизации в странах Балтии, проведенного автором десять лет назад. Отмечается как движение Эстонии вперед по пути модернизации по ряду аспектов за прошедшие десять лет, так и неспособность достичь некоторых ранее заявленных целей. Невозможно однозначно сказать, действительно ли в эти десять лет Эстония предпринимала серьезные усилия для достижения заявленных целей или же имела место имитация реформ. Так или иначе за эти десять лет Эстония, продолжая опережать по уровню экономического развития восточноевропейские страны, не смогла достичь уровня, сопоставимого с западноевропейскими государствами. Делается вывод, что если в ближайшие годы эстонцы начнут задавать вопросы, почему же так получилось, несмотря на проведение рекомендуемых Западом шагов по модернизации, то вероятным вариантом ответа будет тот, что Эстония не столько проводила модернизацию, сколько имитировала реформы.

Информация об авторе: Ланко Дмитрий Александрович — кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге.

© Дмитрий Ланко, 2016

Керсти Кальюлайд, пожив в Европе, переняла очень многие европейские ценности.

Лидер фракции Центристской партии в Рийгикогу (парламенте Эстонии) Кадри Симсон о новом президенте страны Керсти Кальюлайд (Симсон 2016)

Характеристику нового (избранного в октябре 2016 г.) эстонского президента Керсти Кальюлайд, данную ей лидером фракции Центристской партии в Рийгикогу (парламенте Эстонии) Кадри Симсон (сегодня она является Министром экономики и инфраструктуры), вынесенную в эпиграф данного доклада, можно обнаружить в сети Интернет на эстонском языке только на одном ресурсе — на эстоноязычной версии портала «Спутник» (Sputnik 2016), информационного агентства со штаб-квартирой в Москве, созданного в 2014 г. российской медиагруппой «Россия сегодня» и публикующего новости на тридцати языках, включая все языки постсоветских стран, в том числе эстонский. Прочие средства массовой информации, использующие лишь эстонский язык, эту новость проигнорировали. При этом она представляется соответствующей действительности, поскольку на русском языке была опубликована не только российскими изданиями, но и крупнейшей эстонской газетой “Postimees”, правда, лишь на русскоязычной странице портала, откуда и была взята для эпиграфа к настоящему докладу. Помимо одной публикации на эстонском языке и многочисленных на русском эта новость также была неоднократно опубликована на английском языке — например, на портале газеты “Baltic Times” (Simson 2016). На эстонском же языке она была опубликована только одним средством массовой информации, да и то российским. Эстонцы не любят узнавать, что, возможно, Эстония — не совсем Европа, особенно от тех, кого сложно обвинить в том, что он или она является «агентом Кремля».

В самом деле, если бы с заявлением, что Эстония якобы является «не совсем Европой», выступил, например, бывший лидер Центристской пар-

тии Эдгар Сависаар, это не вызвало бы ни у кого в Эстонии удивления. Ведь, с одной стороны, именно Сависаар в апреле 1988 г. первым предложил создать Народный фронт Эстонии, деятельность которого стала одним из важнейших факторов, приведших к выходу Эстонии из состава Советского Союза тремя с небольшим годами спустя. С другой стороны, в своей политической деятельности уже в независимой демократической Эстонии Сависаар опирался на голоса избирателей, проживающих в Ласнамяэ. Для большинства жителей этого и других восточных районов Таллина — эстонской столицы — родным языком является русский. Как следствие, эти люди по-иному воспринимают основные события международной политики, что Сависаар как их представитель не может не учитывать в своей риторике. Так, в мае 2014 г. он заявил, что прошедший в Крыму (в марте того же года) референдум является легитимным (Savisaar 2014). Хотя Эдгар Сависаар и Кадри Симсон принадлежат к одной и той же Центристской партии, сформировавшейся в 1991 г. на базе Народного фронта Эстонии, в стране их воспринимают в качестве непримиримых оппонентов.

На прошедшем в ноябре 2015 г. съезде эстонской Центристской партии Симсон всерьез баллотировалась на пост председателя партии, и Сависаару удалось сохранить свой пост лишь благодаря незначительному перевесу голосов делегатов съезда. Впрочем, сохранить свое положение во главе партии он сумел всего на год. На прошедшем в ноябре 2016 г. съезде Центристской партии Сависаар не баллотировался в лидеры партии (как и Симсон), а большинство делегатов отдало свои голоса компромиссному кандидату — бывшему мэру Таллина, смещенному Сависааром с этой должности в 2007 г., Юри Ратасу, который в результате правительственного кризиса в Эстонии стал новым премьер-министром страны в том же ноябре 2016 г.

Правительственный кризис 2016 г. ознаменовал окончание одиннадцатилетнего периода управления Эстонией представителями Партии реформ. В апреле 2005 г. в результате очередного кризиса ушло в отставку правительство во главе с лидером политической партии «Республика» (сегодня — часть политической партии «Союз отечества и республики») Юханом Партсом, и премьер-министром стал недавно избранный председателем Партии реформ Андрус Ансип. В 1983–1988 гг. он работал инструктором промышленного отдела и главой организационного отдела Тартуского районного комитета Коммунистической партии Эстонии (КПЭ).

После распада Советского Союза Ансип занялся бизнесом, главным образом — банками, приватизацией и инвестициями. В 1998 г. был избран мэром второго по величине эстонского города Тарту. В 2003 г. стал депу-

татом Рийгигогу, однако уступил свой депутатский мандат соратнику по Партии реформ, чтобы остаться на посту мэра Тарту. Однако уже в следующем, 2004 г. перебрался в Таллин и занял пост министра экономики и коммуникаций в правительстве Юхана Партса. В том же году, после вступления Эстонии в Европейский союз, прежний лидер и основатель Партии реформ Сийм Каллас стал комиссаром Европейской комиссии, а Ансип был избран новым председателем Партии реформ.

И уже в апреле 2005 г., после очередного правительственного кризиса, президент Арнольд Рюйтель поручил Ансипу сформировать новый кабинет министров, что и было сделано: помимо представителей Партии реформ в первый кабинет Ансипа, проработавший два года (с 2005 по 2007 г.), вошли также представители Центристской партии, включая самого Эдгара Сависаара, который занял прежний пост Ансипа в правительстве Партса — пост министра экономики и коммуникаций, а также представители партии «Народный союз», основанной президентом Рюйтелем. Позднее эта партия распалась, а к настоящему времени группа ее представителей создала Эстонскую консервативную народную партию.

По итогам парламентских выборов 2007 г. сформировался второй кабинет Ансипа, в который помимо представителей Партии реформ вошли представители Социал-демократической партии Эстонии, некогда основанной избранным в 2006 г. президентом вместо Арнольда Рюйтеля Тоомасом Хендриком Ильвесом, а также «Союза отечества и республики», образовавшегося в результате слияния правой консервативной партии «Союз отечества», основанной бывшим премьер-министром Мартом Лараром, и партии «Республика», основанной другим бывшим премьер-министром — Юханом Партсом. Центристская партия отправилась в оппозицию, в которой она находилась почти десять лет.

Четыре года работы второго кабинета Ансипа (2007–2011) были наиболее политически стабильными в постсоветской истории Эстонии, несмотря на начало «Великой рецессии» в 2008 г. и обострение этнического конфликта между эстонцами и русскими, вылившегося в открытые столкновения между протестующими, которые в большинстве своем были этническими русскими, и полицией в дни так называемой «Бронзовой ночи» 2007 г. (Ланко 2009). За те четыре года не произошло ни одного правительственного кризиса. Неудивительно, что в 2011 г. Партия реформ вновь одержала победу на выборах, а ее представители сформировали третий кабинет Ансипа.

Правда, новый кабинет был сформирован уже без представителей Социал-демократической партии, лишь с одними представителями

«Союза отечества и республики». Однако к 2014 г. выявилась усталость эстонского населения руководством Андруса Ансипа. Соответственно, сформировался план «рокировки»: в марте 2014 г. пост премьер-министра занял молодой некогда советник Ансипа Таави Рыйвас. Изменился и состав кабинета министров: «Союз отечества и республики» стал оппозиционным по отношению к действующему кабинету министров, а в состав правящей коалиции вошла Социал-демократическая партия. В ноябре 2014 г. сам Ансип сменил своего предшественника у руля Партии реформ Сийма Калласа на посту комиссара Европейской комиссии.

В марте 2015 г. в Эстонии прошли очередные парламентские выборы, которые Партии реформ удалось выиграть, хотя и с меньшим отрывом от оппозиционной Центристской партии, чем четыре года назад (Ланко 2015б). Еще больший ущерб понесли многолетние партнеры Партии реформ: и формально правящая Социал-демократическая партия, и формально оппозиционный «Союз отечества и республики». Победы Центристской партии удалось избежать по двум причинам.

Во-первых, значительную поддержку уставшего от «рокировок» в правящей элите населения получили «новые» политические партии: сформировавшаяся на базе Народного союза бывшего президента Рюйтеля Эстонская консервативная народная партия, а также Свободная партия.

Во-вторых, в условиях обострения конфликта между Россией и Европейским союзом в 2014 г. правящая Партия реформ приложила значительные усилия для того, чтобы объявить лидера Центристской партии Эдгара Сависаара «агентом Кремля», а необходимость сохранения прежнего политического курса — вопросом национальной безопасности. В результате по итогам парламентских выборов 2015 г. сформировался второй кабинет Таави Рыйваса, в который вошли представители и Партии реформ, и Социал-демократической партии, и «Союза отечества и республики». Некоторые наблюдатели полагали, что этот кабинет министров окажется столь же стабильным, что и второй кабинет Ансипа в 2007–2011 гг.

Предполагалось также, что в августе 2016 г. основатель Партии реформ Сийм Каллас, в свою очередь, будет избран президентом Эстонии вместо уходящего в отставку Ильвеса. Однако на этом этапе «рокировка» дала сбой. Несмотря на усилия Партии реформ по объединению представителей правящей коалиции в Рийгикогу вокруг кандидатуры Калласа (в Эстонии президента избирает парламент), новый президент не был избран ни в августе парламентом, ни в сентябре коллегией выборщиков. Лишь в октябре Рийгикогу смог проголосовать за избрание президентом

компромиссного кандидата Керсти Кальюлайд. А уже в ноябре 2016 г. Рийгикогу вынес вотум недоверия премьер-министру Таави Рыйвасу, и новым премьер-министром стал Юри Ратас.

Приведенный выше краткий экскурс в эстонскую политику последних десяти лет, перенасыщенный сложнопроизносимыми для среднего европейца и среднего россиянина именами (Кальюранд — Марина Кальюранд, бывший министр иностранных дел Эстонии, также баллотировавшаяся на пост президента в 2016 г. — и Кальюлайд в эстонской политике — это две разные женщины, причем первая — русская, а вторая — эстонка), а также датами, из которых для среднего европейца и среднего россиянина важными оказываются лишь две — 2008-й (год начала «Великой рецессии») и 2014-й (год начала противостояния между Россией и Европейским союзом из-за Украины), — представляется необходимым здесь по одной причине. А именно: показать, что в Эстонии «всё не так однозначно».

Эстония, безусловно, часть Европы. Но при этом об эстонцах, работающих в Берлине, Брюсселе или Лондоне, в Эстонии говорят: «Он работает в Европе». С одной стороны, за двадцать пять постсоветских лет некогда лидер Народного фронта Эстонии превратился в «агента Кремля». С другой стороны, бывший инструктор райкома КПЭ превратился за эти годы в комиссара Европейской комиссии. У эстонцев сегодня наблюдаются довольно противоречивые представления о том, «что такое хорошо и что такое плохо». А если учесть, что более четверти населения Эстонии — этнические русские, то ситуация становится еще более сложной. В этих условиях представляется невозможным дать однозначный ответ на вопрос, удалась ли модернизация в Эстонии.

Постсоветская модернизация в Эстонии и послевоенная модернизация в Западной Германии: сравнительный анализ

Последний раз автор данного доклада представлял результаты проводимого им системного анализа модернизации в странах Балтии, включая Эстонию, почти десять лет назад (Ланко 2007). В той работе процессы трансформации политической и экономической систем в трех странах Балтии на протяжении пятнадцати лет между 1991 и 2006 гг. характеризовались как несомненный успех модернизации. В качестве главного показателя политической и экономической модернизации стран Балтии назы-

валось их вступление в Европейский союз в 2004 г. При этом несомненным «чемпионом» модернизации среди других стран Балтии была именно Эстония.

В самом деле, Эстония подала заявку на вступление в Европейский союз еще в 1995 г. Практически одновременно с ней это сделали и две другие страны Балтии — Латвия и Литва. Два года спустя Европейский совет, проходивший в Люксембурге, принял решение начать межправительственные переговоры с рядом восточноевропейских стран, включая и Эстонию, о вступлении в Европейский союз (European Council 1997). Некоторым другим восточноевропейским странам, включая Латвию и Литву, было рекомендовано ускорить политическую и экономическую трансформацию с целью скорейшего начала межправительственных переговоров с последующим вступлением в Евросоюз.

По мнению Европейской комиссии, на которое опирался Европейский совет при принятии данного решения, основные проблемы Литвы были связаны со слишком медленными темпами экономической модернизации, благодаря чему уровень экономического развития этой страны в 1997 г. существенно отставал от эстонского и даже латвийского. Что же касается Латвии, то здесь основные проблемы были связаны со слишком медленными темпами политической интеграции, благодаря чему Латвия к 1997 г. все еще не могла разработать удовлетворяющего Европейскую комиссию плана по «интеграции» многочисленных неграждан, большинство из которых являлись этническими русскими, в латвийское общество.

За два года Латвия и Литва сумели «сделать свое домашнее задание». И в 1999 г. Европейский совет, проходивший в Хельсинки, принял решение начать переговоры о вступлении в Европейский союз также с Латвией и Литвой (European Council 1999). Формально Эстония, Латвия и Литва вновь оказались на одной ступени модернизации, однако фактически Эстония продолжала опережать и Латвию, и Литву по темпам политической и экономической модернизации. Хотя в Советском Союзе Латвия опережала Эстонию и Литву по многим экономическим показателям, включая уровень жизни населения, уже через пять лет после распада СССР Эстония смогла опередить Латвию (не говоря о Литве) по этому и другим экономическим показателям.

Эстония сохранила опережающие темпы развития и в начале XXI в. Благодаря этому она сумела легче, чем ее соседи, преодолеть последствия «Великой рецессии», начавшейся в 2008 г. Хотя Шенгенские соглашения стали действовать в отношении Эстонии, Латвии и Литвы одновременно — в конце 2007 г., Эстония первой присоединилась к Экономическому

валютному союзу, отказавшись от национальной валюты — эстонской кроны — в пользу евро. В Эстонии это событие произошло в 2011 г., в то время как в Латвии — в 2014 г., а в Литве — лишь в 2015 г. На протяжении последних двадцати лет, невзирая на «Великую рецессию», Эстония продолжала опережать другие страны Балтии по основным экономическим показателям.

Если среди трех стран Балтии Эстонию можно назвать абсолютным «чемпионом» по модернизации, то в сравнении с западноевропейскими странами наблюдается более сложная ситуация. Это стало одной из причин «усталости» населения Эстонии от девятилетнего правления Андруса Ансипа, о чем говорилось выше. Несомненно, у Ансипа были основания для гордости: накануне выборов 2007 г. он обещал, что если станет премьер-министром, то в Эстонии начнут действовать Шенгенские соглашения, а также страна вступит в Экономический валютный союз, и к выборам 2011 г. он мог отчитаться перед населением, что эти его предвыборные обещания оказались выполнены.

Аналогично именно Ансип настоял на том, чтобы в Эстонии в 2006–2008 гг. государственный бюджет выполнялся с профицитом, благодаря чему был создан денежный резерв, позволивший стране в 2009–2010 гг. преодолеть последствия «Великой рецессии» с минимальными издержками в отличие от соседних Латвии и Литвы. Однако почти треть населения Эстонии проживает в столице Таллине, откуда зимой более десяти раз в день отправляются паромы в Хельсинки (летом — почти вдвое чаще), а также несколько раз в день вылетают самолеты. Жители Эстонии чаще посещают Финляндию, чем Латвию или тем более Литву. Соответственно, и уровень экономического развития своей страны они сравнивают с Финляндией и другими западноевропейскими странами, а не с Латвией и Литвой.

Эту тенденцию подтвердила и избранная в 2016 г. президентом Керсти Кальюлайд. По традиции первый государственный визит она совершила в соседнюю Финляндию; с одной стороны, она тогда похвасталась, что средняя зарплата в Эстонии в 2016 г. в очередной раз выросла и достигла 1100 евро в месяц, а с другой стороны, посетовала, что средняя эстонская зарплата все еще составляет менее трети средней финской зарплаты (Einmann 2016). Однако Кальюлайд не сказала во время своего визита в Хельсинки, что многие жители Эстонии усматривают в этом несправедливость: ведь ВВП на душу населения (без учета паритета покупательной способности) в Финляндии в два с половиной раза больше, чем в Эстонии.

Таким образом, для оценки успехов модернизации в Эстонии необходимо сравнивать происходящие там процессы не только с соседними Латвией и Литвой и не с восточноевропейскими Венгрией и Польшей (ниже будет объяснено, почему в отношении Венгрии и Польши используется топоним «восточноевропейские» вместо привычного «центральноевропейские»), хотя такого сравнения здесь и не удастся полностью избежать, но с западноевропейскими странами. В качестве референтной страны следует выбрать не соседнюю с Эстонией Финляндию, а Германию, поскольку случай германской модернизации представляется более знакомым потенциальным читателям данного текста, чем случай финляндской модернизации, во многом благодаря работам Дмитрия Травина и Отара Маргания (Травин, Маргания 2004: 333–565).

По их оценкам, экономическая ситуация в послевоенной Германии была значительно хуже, чем в России начала 1990-х гг. (Травин, Маргания 2004: 518). Соответственно, можно предположить, что экономическая ситуация в послевоенной Германии была тем более хуже, чем в постсоветской Эстонии первой половины 1990-х гг., поскольку в начале постсоветских лет в Эстонии наблюдалась более благоприятная экономическая ситуация, чем в России. Однако за двадцать пять послевоенных лет Германия смогла совершить мощный экономический рывок. В таблице 1 приводятся данные по валовому внутреннему продукту на душу населения с учетом паритета покупательной способности в Западной Германии в 1950, 1960 и 1970 гг. по сравнению с аналогичными показателями некоторых других стран. Сравнительный анализ демонстративности таких показателей, как ВВП на душу населения с учетом и без учета паритета покупательной способности, можно обнаружить, например, в работах Андрея Заостровцева (Заостровцев 2016).

В первую очередь в качестве референтной страны в данном докладе выбраны США, поскольку Западная Германия после окончания Второй мировой войны была оккупирована американскими (а также британскими и французскими) войсками, именно американским влиянием во многом определялся курс тех экономических реформ, которые проводились в Западной Германии (как и в других западноевропейских странах) в послевоенный период, и именно США в значительной степени профинансировали претворение этих реформ в жизнь посредством в том числе плана Маршалла. В целом эти реформы оказались успешными: если в 1950 г. ВВП на душу населения в Западной Германии был менее половины от аналогичного американского показателя, то к 1970 г. диспропорции между двумя странами составляли не более 20% (см. таблицу 1).

В качестве другой референтной страны здесь выбрана Япония, которая стала примером опережающего экономического развития в послевоенные четверть века. При этом некоторые стартовые условия в Германии и Японии совпадали: например, обе страны были оккупированы американскими войсками, и в обеих странах США стали основным спонсором проводившихся экономических реформ. Причем результат экономических реформ в Японии оказался отличным от западногерманского аналога. В 1950 г. ВВП на душу населения в Японии был более чем вдвое ниже, чем в Германии, то есть составлял порядка 20% от американского. Однако к 1970 г. Япония опередила Германию по уровню ВВП на душу населения, почти сравнявшись с США по этому показателю.

Наконец, в качестве третьей референтной страны здесь выбрана Аргентина, которая в 1950 г. демонстрировала сопоставимый с германским уровень ВВП на душу населения (естественно, с учетом паритета покупательной способности). Поэтому, например, нацистские преступники, эмигрируя в Аргентину и другие южноамериканские страны после окончания Второй мировой войны, не просто искали укрытия от возмездия со стороны союзников по антигитлеровской коалиции и Израиля, но искали укрытия в стране с сопоставимым с довоенным германским уровнем жизни. Однако в первые послевоенные десятилетия экономическая модернизация в Аргентине не проводилась (было бы любопытно узнать, в какой мере на это повлияла связь нацистских преступников с режимом Хуана Перона в 1946–1955 гг.), благодаря чему в стране начался экономический спад, и к 1970 г. ВВП на душу населения в Аргентине (даже с учетом паритета покупательной способности) составил менее половины от западногерманского уровня.

Таблица 1. ВВП на душу населения с учетом ППС

Страна	1950		1960		1970	
	ВВП/ ППС	ФРГ/ страна	ВВП/ ППС	ФРГ/ страна	ВВП/ ППС	ФРГ/ страна
ФРГ	\$ 4281	1,00	\$ 11 760	1,00	\$ 16 587	1,00
США	\$ 9573	0,45	\$ 14 950	0,79	\$ 19 879	0,83
Япония	\$ 1873	2,29	\$ 5425	2,17	\$ 12 840	1,29
Аргентина	\$ 4987	0,85	\$ 5924	1,99	\$ 7970	2,08

Источник: Всемирный банк (data.worldbank.org), вычисления автора

Таким образом, после окончания Второй мировой войны страны, проводившие политику модернизации, поддержанную США, даже такие разные, как Германия и Япония, смогли за четверть века достичь уровня экономического развития, сопоставимого с американским, несмотря на то что и в самих США все эти четверть века продолжался экономический рост, пусть и не такой быстрый. Те же страны, которые не проводили политику модернизации после окончания Второй мировой войны (например, Аргентина), хотя формально и оставались частью западного мира и не были подвержены влиянию советской экономической модели, развивались недостаточно быстро, благодаря чему между ними и США и государствами Западной Европы сформировался существенный экономический разрыв.

Роль Германии в постсоветской модернизации Эстонии

Аналогичным образом благодаря политике модернизации на протяжении четверти века после распада СССР сокращался и экономический разрыв между некогда постсоветской Эстонией и западноевропейскими странами, включая и Германию. Роль Германии в постсоветской модернизации Эстонии сравнима с той ролью, которую в послевоенный период сыграли для самой Германии США. Конечно, определенное значение в постсоветской модернизации Эстонии имели и США; неудивительно, что в 2006 г. президентом Эстонии был избран бывший гражданин США Тоомас Хендрик Ильвес, этнический эстонец, родившийся в Стокгольме, куда его семья бежала в 1944 г. и откуда позднее эмигрировала в США.

Определенную роль в постсоветской модернизации Эстонии сыграли и другие западноевропейские страны, включая и Финляндию (о роли Финляндии в формировании вооруженных сил Эстонии после распада СССР см. Lukka¹ 1996), и Европейский союз в целом, который оказал значительную материальную помощь эстонской модернизации через программу технической помощи PHARE, аналогичную действовавшей в России и некоторых других постсоветских странах программе TACIS; первоначально предполагалось, что программа PHARE будет действовать в отношении стран так называемой Вышеградской группы (Чехия, Словакия, Венгрия и Польша), но впоследствии ее сфера деятельности была распространена и на страны Балтии.

Однако Германия сыграла в постсоветской модернизации Эстонии одну из ключевых ролей, причем важное значение здесь имели исторические эстонско-германские связи. Большинство помещиков в Эстонии были этническими немцами еще со времен Крестовых походов. Ситуация не изменилась и во второй половине XVII в., когда по итогам Тридцатилетней войны в Европе территория нынешней Эстонии перешла под контроль Швеции, и в XVIII в., когда по итогам российско-шведской Северной войны территория Эстонии вошла в состав недавно образованной Российской империи. Хотя Прибалтийские губернии в составе Российской империи и не пользовались столь широкими правами автономии, какие были, например, у Великого княжества Финляндского, определенная автономия у остзейских немцев все-таки существовала.

Так, крепостное право в Прибалтийских губерниях было отменено за полвека до того, как аналогичная реформа прошла в основной части России. В созданном в годы шведского владычества Дерптском (Гартуском) университете обучались преимущественно немцы. Основываясь на немецких традициях университетских корпораций (*fraternitas*), в годы эстонского «национального пробуждения» во второй половине XIX в. была создана студенческая корпорация этнических эстонцев “Eesti Üliõppilasselts”, члены которой сыграли значительную роль в формировании независимого эстонского государства в начале XX в., а цвета этой корпорации — синий, черный и белый — впоследствии оказались на государственном флаге Эстонии.

После провозглашения независимости в 1918 г. и окончания войны, получившей в эстонской историографии название «Войны за независимость», во время которой эстонцы воевали как с русскими (включая и Красную армию, и белогвардейцев), так и с немцами, в Эстонии началось движение за дегерманизацию. В ходе этого процесса у немецких помещиков были отобраны ранее принадлежавшие им земли, некоторым немцам пришлось эмигрировать в Германию, некоторым — сменить, подчас вынужденно, звучавшие по-немецки фамилии на звучащие по-эстонски. Некоторые немцы даже были убиты. В годы Второй мировой войны часть эстонцев воевала на стороне Советского Союза, а часть — на стороне нацистской Германии, причем одни эстонцы записались в Эстонский легион (иностранное вооруженное формирование войск СС) добровольно, а другие — были призваны принудительно.

В современной Эстонии ветераны Эстонского легиона проводят ежегодные встречи в июле в волости Вайвара на востоке страны в память об июльских боевых столкновениях с советскими войсками, получивших

в советской историографии название «Нарвская операция» 1944 г. С одной стороны, эти встречи были осуждены официальными лицами России, Израиля и ряда других стран как способствующие оправданию нацизма. С другой стороны, решением Нюрнбергского трибунала, признавшего СС, включая и войска СС, преступной организацией, была сделана оговорка «...для тех лиц, которые были призваны в данную организацию государственными органами, причем таким образом, что они не имели права выбора...» (Приговор 1945). Отделение эстонцев, пришедших на службу в Эстонский легион добровольно, от тех, кого туда призвали принудительно, представляется крайне сложной задачей.

В постсоветский период влияние Германии на характер эстонской модернизации определялось главным образом работой в Эстонии германских неправительственных организаций. Всего в разные годы в Эстонии были представлены порядка двадцати германских неправительственных организаций, включая как работающие во многих странах мира фонды имени Конрада Аденауэра, Генриха Бёлля, Роберта Боша, Ганса Зайделя, Розы Люксембург, Фридриха Науманна и Фридриха Эберта, так и работающие преимущественно в странах Балтии Немецко-Балтийское общество, Немецко-Балтийский культурный фонд и Немецко-Балтийское генеалогическое общество. Благодаря этим организациям многие представители эстонской элиты смогли ознакомиться с опытом германской модернизации, включая западногерманский опыт послевоенного периода.

По аналогии с тем, как экономические показатели Западной Германии 1950–1970 гг. выше сравнивались помимо США с аналогичными показателями Японии (примера быстрого экономического роста в послевоенный период) и Аргентины (примера экономического упадка в послевоенный период), экономические показатели Эстонии ниже будут сравниваться помимо Германии также с аналогичными показателями Ирландии и Греции. Последняя представляет здесь пример экономического упадка, пришедшегося на конец XX — начало XXI в.: если в 1995 г. ВВП на душу населения с учетом паритета покупательной способности в Греции был более чем вдвое выше, чем в Эстонии, то к настоящему времени Эстония даже опережает Грецию по этому показателю (см. таблицу 2). Правда, равенство Эстонии и Греции по данному показателю не объясняет, почему экономическая ситуация в Греции характеризуется как кризис, а схожая экономическая ситуация в Эстонии — как успех. Также не объясняется, почему при схожих экономических показателях Эстония вынуждена направлять часть своих средств на помощь Греции.

Таблица 2. ВВП на душу населения с учетом ППС

Страна	1995		2005		2015	
	ВВП/ ППС	Эст/ страна	ВВП/ ППС	Эст/ страна	ВВП/ ППС	Эст/ страна
Эстония	\$ 6352	1,00	\$ 16 560	1,00	\$ 28 094	1,00
Финляндия	\$ 19 284	0,33	\$ 32 065	0,52	\$ 40 601	0,69
Германия	\$ 23 093	0,28	\$ 32 184	0,51	\$ 47 268	0,59
Польша	\$ 7437	0,85	\$ 13 807	1,20	\$ 26 135	1,07
Ирландия	\$ 18 438	0,34	\$ 40 446	0,41	\$ 54 654	0,51
Венгрия	\$ 9111	0,70	\$ 17 314	0,96	\$ 25 582	1,10
Греция	\$ 15 353	0,41	\$ 25 396	0,65	\$ 26 680	1,05

Источник: Всемирный банк (data.worldbank.org), вычисления автора

В отличие от Греции Ирландия в конце XX — начале XXI в. являлась примером быстрой модернизации и экономического роста, благодаря чему в отношении Ирландии одно время активно использовалось словосочетание «кельтский тигр» по аналогии с «азиатскими тиграми» (например, Южной Кореей) и «балтийскими тиграми» (в первую очередь самой Эстонией). В конце XX в. Ирландия считалась в Европейском союзе одной из наименее развитых в экономическом отношении стран, она являлась активным получателем помощи из структурных фондов Европейского союза. Когда в феврале 2001 г. лидеры стран ЕС подписали так называемый Договор Ниццы, вступление в силу которого было необходимым условием расширения Европейского союза в 2004-м и в последующие годы, включая принятие в Евросоюз Эстонии, население Ирландии на референдуме, прошедшем в июне того же 2001 г., отвергло этот договор.

Основной причиной здесь были опасения населения Ирландии, что если в ЕС в результате ратификации Договора Ниццы вступят страны с более низким уровнем экономического развития, чем в Ирландии, то именно они начнут получать помощь из структурных фондов Евросоюза, в то время как объем помощи, предоставляемой Ирландии, существенно сократится (Neuward 2002). В свою очередь, сторонники ратификации Договора Ниццы в Ирландии указывали на перспективы быстрого экономического роста Ирландии в условиях углубляющейся европейской интеграции, которые станут более значимыми в случае, если в Евросоюз вступят еще десять государств, включая Эстонию.

На повторном референдуме, проведенном в Ирландии в 2002 г., большинство населения страны уже проголосовало за ратификацию Договора Ниццы. Он вступил в силу, а расширение ЕС за счет десяти новых стран произошло в 2004 г. Более того, в отличие от многих других государств Евросоюза, включая Германию, которая отказалась предоставить гражданам новых стран-участниц ЕС (в том числе Эстонии) право работать на территории Германии без получения специального разрешения на период 2004–2007 гг., Ирландия предоставила гражданам Эстонии и других новых стран-участниц такое право уже в 2004 г.

В результате в 2005 г. Ирландия обогнала Германию по уровню ВВП на душу населения с учетом паритета покупательной способности, это опережение сохранялось и десять лет спустя — в 2015 г. Что же касается Эстонии, то в ней уровень экономического развития рос в 1995–2015 гг. даже быстрее, чем в Ирландии. Ведь если в 1995 г. ВВП на душу населения в Эстонии составлял всего треть от ирландского, то к 2015 г. — уже половину. Также к 2015 г. ВВП на душу населения в Эстонии (с учетом паритета покупательной способности) составлял почти 60% от германского и почти 70% — от финского.

Таким образом, в отличие от послевоенной Западной Германии, которая за четверть века, прошедшие с момента окончания Второй мировой войны, сумела достичь сопоставимого с США и другими ведущими странами мира уровня экономического развития, Эстония за четверть века, прошедшие с момента распада СССР, не смогла догнать большинство западноевропейских стран по уровню экономического развития. А ведь еще накануне парламентских выборов 2007 г. представители правившей тогда в Эстонии Партии реформ обещали, что в течение четырех лет Эстония войдет в первую пятерку наиболее процветающих европейских стран (Keudal-Kaiser 2014: 127). В отличие от многих других обещаний, данных Партией реформ накануне тех выборов, это обещание выполнить не удалось.

С одной стороны, возможно, отставание Эстонии от Западной Европы в 1991 г. было больше, чем отставание Германии от США в 1945 г. Поэтому для того, чтобы достичь сопоставимого с германским уровня экономического развития, Эстонии может потребоваться больше времени. С другой стороны, возможно, причина здесь иная, и кроется она либо в том, что успехи модернизации Эстонии в эти четверть века были преувеличены, либо в том, что рецепты модернизации, которые западноевропейские страны давали Эстонии, были не самыми эффективными. Однако прежде чем переходить к проверке перечисленных гипотез, необходимо обратиться к опыту модернизации в двух других восточноевропейских странах: в Венгрии и Польше.

А в это время в Венгрии и Польше...

Опыт Эстонии в частности и стран Балтии в целом на Западе нередко получает высокую оценку. Так было и в 1990-е гг., когда доклад «Дойче Банка» назвал Эстонию одной из наиболее успешных экономик переходного периода (Deutsche Bank 1996). Так бывает и в середине 2010-х гг. Например, в сентябре 2016 г. президент США Барак Обама вновь дал высокую оценку достижениям Эстонии и других стран Балтии, благодаря которым в этих странах сформировались более свободные, более демократические и более открытые общества. Кроме того, по мнению Обамы, эти страны стали примером для народа Украины, который вышел на улицы, чтобы избавиться от коррумпированного правительства в условиях, когда не осталось другого выхода. Как считает Обама, такой пример народу Украины подали не только страны Балтии, но и Польша, где также сформировалось свободное, демократическое и открытое общество (Obama 2016).

Представляется, что в сентябре 2016 г. Обама не был проинформирован о том, что в Польше, по мнению ряда западноевропейских наблюдателей, включая Европейскую комиссию, появились проблемы и со свободой, и с демократией, и с открытым обществом, и с модернизацией. Это представляется странным с учетом того, что вызвавшая столь резкую критику со стороны Европейской комиссии реформа Конституционного суда в Польше началась за десять месяцев до процитированного выступления Обамы — в ноябре 2015 г. Важнейшим фактором, способствовавшим проведению этой реформы, стал резкий рост влияния политической партии «Право и справедливость» на польскую политику.

Так, на президентских выборах в мае 2015 г. прежний президент Польши Бронислав Комаровский, представитель партии «Гражданская платформа», проиграл Анджею Дуде, представителю партии «Право и справедливость». А в октябре того же 2015 г. на парламентских выборах представители партии «Право и справедливость» получили 235 мест в польском сейме, то есть абсолютное большинство. Соответственно, бывшего премьер-министра Эву Копач, представителя партии «Гражданская платформа», сменила на посту премьер-министра Польши представитель партии «Право и справедливость» Беата Шидло. Должности президента и премьер-министра, а также большинство мандатов в парламенте оказались в руках одной партии.

В таких условиях эта партия получила возможность перераспределить полномочия между ветвями власти в Польше, ограничив влияние

судебной власти и увеличив, соответственно, влияние исполнительной и законодательной ветвей власти, хотя поначалу кризис развивался в рамках борьбы между партиями. Так, в октябре 2015 г. польский Сейм, в котором партия «Гражданская платформа» обладала крупнейшей фракцией, принял решение о назначении пяти новых судей Конституционного суда: троих судей, чьи сроки полномочий истекали в октябре 2015 г., а также двоих судей, чьи сроки полномочий истекали в ноябре 2015 г., то есть уже после парламентских выборов.

Президент Дуда отказался приводить всех пятерых новых судей к присяге, мотивируя свое решение тем, что двое из пяти судей были назначены в нарушение конституции составом парламента, не имевшим полномочий принимать такое решение. На ноябрьских парламентских выборах абсолютное большинство депутатских мандатов получили представители партии «Право и справедливость», и сразу же после выборов Сейм принял поправки к закону о Конституционном суде, которые обязывали Сейм избрать пятерых новых членов суда, а также устанавливали предельные сроки полномочий для президента и вице-президента суда и ограничивали сроки полномочий для его двух судей.

В соответствии с новыми поправками к закону Сейм в декабре 2015 г. избрал пятерых новых судей Конституционного суда, которых президент Дуда привел к присяге. Практически одновременно Конституционный суд принял решение, по которому назначение трех судей предыдущим составом Сейма соответствовало конституции Польши, в то время как назначение им двух других судей нарушало конституцию. В ответ Сейм принял новые поправки к закону о Конституционном суде, согласно которым решение принималось в случае, если в его поддержку выступали как минимум две трети судей (раньше требовалась поддержка более половины судей), а также вводился кворум: заседание суда признавалось состоявшимся, если в нем принимали участие не меньше тринадцати из пятнадцати судей.

В марте 2016 г. Конституционный суд признал уже эти новые поправки не соответствующими конституции страны. Однако президент Дуда отказался публиковать такое решение суда, без чего оно не могло вступить в силу. Летом в противостояние между президентом и Сеймом, с одной стороны, и Конституционным судом Польши — с другой, вмешалась Европейская комиссия. В июле 2016 г. она опубликовала Рекомендации по установлению верховенства закона в Польше, в которых стране предписывалось уважать решения собственного Конституционного суда, в том числе по поправкам к закону о Конституционном суде и по назначениям

судей Конституционного суда, автоматически публиковать все решения Конституционного суда, а также сотрудничать с Венецианской комиссией Совета Европы (European Commission 2016).

Ранее Европейская комиссия опубликовала свое мнение по ситуации с верховенством закона в Польше схожего содержания. По правилам, принятым в Европейском союзе, если страна-участница не выполняет требования, содержащиеся в мнении Европейской комиссии, то Европейская комиссия издает рекомендации; если же страна-участница отказывается выполнять и рекомендации, то Европейская комиссия вправе ввести в отношении этой страны экономические санкции. Рекомендации Европейской комиссии Польше были опубликованы еще в июле 2016 г. За прошедшие месяцы Польша не предприняла каких-либо действий, направленных на выполнение рекомендаций.

Однако по состоянию на конец ноября 2016 г. санкции против нее введены не были. По мнению некоторых экспертов, введению санкций против Польши препятствует позиция Венгрии (Еремина 2016) — еще одной страны, где, как считает ряд западноевропейских наблюдателей, возникли проблемы со свободой, демократией, открытым обществом и модернизацией, причем проблемы в Венгрии начались раньше, чем в Польше. Если в Польше реформы, вызвавшие столь жесткую критику со стороны Европейского союза, стартовали лишь в 2015 г., с избранием на посты президента и премьер-министра страны представителей партии «Право и справедливость», то в Венгрии аналогичные реформы ассоциируются с личностью премьер-министра Виктора Орбана, который находится на этом посту с мая 2010 г.

До 2010 г. Виктор Орбан уже занимал пост премьер-министра Венгрии в 1998–2002 гг. За те четыре года он провел административную реформу по германскому образцу, усилив власть премьер-министра и объединив различные министерства и ведомства, занимавшиеся регулированием экономики, в одно министерство экономики. В экономической сфере первое правительство Орбана провело существенное сокращение налогов и социальных выплат, благодаря чему удалось добиться сокращения инфляции и снижения государственного долга. Несмотря на эти успехи, в 2002 г. возглавляемая Орбаном партия «Фидеш» проиграла парламентские выборы Венгерской социалистической партии, которая в коалиции с Альянсом свободных демократов сформировала правительство, действовавшее в Венгрии в последующие годы.

Однако в 2010 г. «Фидеш» вновь выиграла парламентские выборы, причем партии удалось получить 263 из 386 депутатских мандатов, что

позволило Виктору Орбану не только занять кресло премьер-министра, но и разработать и принять новую конституцию страны. До этого в Венгрии действовала старая конституция, принятая еще в 1949 г., с поправками, сделанными на рубеже 1980–1990-х гг. в связи с демократизацией страны. Предполагалось, что в начале 1990-х гг. в Венгрии будет принята новая конституция, однако противоречия внутри правящей элиты заблокировали этот процесс. И лишь с победой «Фидеш» на парламентских выборах 2010 г. появилась возможность принять новую конституцию. Она подтвердила приверженность партии «Фидеш» и лично Виктора Орбана политическому курсу на централизацию политической власти, а также расширила возможности для премьер-министра распускать парламент (например, в случае его неспособности принять бюджет). Соответственно, возможности парламента контролировать премьер-министра снизились, независимость Центрального банка была ограничена, кроме того, в тексте конституции появилось упоминание о контроле со стороны правительства за деятельностью средств массовой информации. К тому же недовольство либералов в самой Венгрии и в других странах Европейского союза вызвало положение новой конституции, которое обязывало венгерское государство охранять институт семьи, понимаемой как союз мужчины и женщины.

Однако этого Виктору Орбану оказалось мало, и в 2013 г. парламент принял очередные поправки к конституции. Главным образом новые поправки касались полномочий Верховного суда в сторону их сокращения. В частности, ему запрещалось оспаривать соответствие конституции законов, принятых двумя третями голосов депутатов парламента. Также новая редакция конституции прямо запретила платную политическую рекламу в средствах массовой информации, что можно расценить как ограничение избирательных прав граждан. Наконец, новые поправки к конституции осуждали коммунизм и объявляли Венгерскую социалистическую рабочую партию — правящую партию в социалистический период — преступной организацией (Fundamental Law of Hungary 2011).

Как и принятие конституции 2011 г., так и новые поправки к венгерской конституции 2013 г. вызвали критику со стороны Европейского союза. В частности, с критикой поправок к венгерской конституции 2013 г. выступил президент Европейской комиссии Жозе Баррозу (Deutsche Welle 2013). Критике были подвергнуты как отдельные положения новой венгерской конституции, включая поправки 2013 г., так и процедура принятия новой конституции и поправок к ней, поскольку выработка этих документов частично проходила в закрытом режиме, а представители оппозиции

были исключены из данного процесса. Говорилось также, что поскольку в тексте новой конституции указано, что валютой Венгрии является форинт, то это затруднит переход на евро. И действительно, по состоянию на конец 2016 г. венгерской валютой до сих пор остается форинт.

Эти конституционные изменения способствовали укреплению власти партии «Фидеш» и лично Виктора Орбана в Венгрии, благодаря чему ему удалось провести ряд экономических реформ, которые также были подвергнуты жесткой критике со стороны либералов, в том числе и в самой Венгрии. Так, по мнению болгарского экономиста Симеона Джанкова, Венгрия при Орбана взяла курс на построение «централизованного планового капитализма» (Djankov 2015), аналогичного тем, которые существуют в России и Турции. В результате этой политики Эстония в настоящее время обгоняет Венгрию по уровню экономического развития.

Впрочем, нельзя однозначно утверждать, что в последние шесть лет эстонская экономика развивалась быстрее венгерской из-за преимуществ эстонской экономической модели по сравнению с той моделью, которую реализовывал в Венгрии Виктор Орбан. Ведь Эстония начала опережать Венгрию по темпам экономического развития задолго до прихода Виктора Орбана к власти в 2010 г. Так, если в 1995 г. ВВП на душу населения (с учетом паритета покупательной способности) в Эстонии составлял 0,7 от уровня Венгрии (см. таблицу 2), то к 2005 г. две страны практически сравнялись по этому показателю. И к 2015 г. Эстония сумела лишь незначительно опередить по нему Венгрию. Аналогично едва ли можно считать, что реформы в Польше 2015–2016 гг. стали причиной экономического отставания Польши от Эстонии — ведь оно стало заметно еще в 2005 г.

Особенности восточноевропейской модернизации

В Раннее Новое время — период в европейской истории, начавшийся с эпохи Великих географических открытий и завершившийся Великой Французской революцией, — способность Великобритании, Франции и Нидерландов отказаться от традиционных форм экономических, политических и социальных отношений и модернизировать свою политику и экономику обусловила экономическое превосходство этих трех государств Европы, что стало одной из причин их политического и военного доминирования по сравнению со странами, где сохранялись традиционные экономические, политические и социальные отношения, — например, Испанией и Португалией.

Показательными в данном контексте являются и итоги англо-испанского военного противостояния в XVI в., и освобождение Нидерландов от испанского колониального владычества, и то, чем завершилась франко-испанская война в середине XVII в. Результаты модернизации в Великобритании, Франции и Нидерландах поставили все остальные страны Европы перед выбором: либо отказаться от традиционных форм экономических, политических и социальных отношений по образцу тех европейских держав, где модернизация уже произошла, и сократить экономическое, военное и политическое отставание от них, либо остаться верными традициям, увеличив отставание от ведущих европейских держав. Постепенно все западноевропейские страны двинулись вслед за Великобританией, Францией и Нидерландами, что дало Дмитрию Травину и Отару Марганию основания определить модернизацию как «игру в догонялки» (Травин, Маргания 2004: 19).

Благодаря этому, хотя в современной Европе и существуют значительные различия в уровнях экономического развития между, например, Норвегией и Португалией (и даже между соседними Францией и Испанией), они не столь существенны, как различия между Западной и Восточной Европой. Разрыв между Западной и Восточной Европой в уровнях экономического развития существовал и до начала холодной войны. Однако в ее годы этот разрыв существенно увеличился. Так, возникло значительное экономическое отставание Восточной Германии от Западной Германии, которые в 1945 г. находились практически на одинаковом уровне экономического развития, однако к 1989 г. экономический разрыв между ними был настолько велик, что его последствия не удалось полностью сгладить и до настоящего времени.

В этих условиях неудивительно, что после падения железного занавеса страны Восточной Европы, включая Венгрию, Польшу и Эстонию, встали на путь модернизации, с которого Венгрия начала сворачивать в 2010 г., Польша — в 2015 г., а Эстония продолжает двигаться по этому пути до сих пор. Вместе с тем между модернизацией восточноевропейских стран конца XX — начала XXI в. и более ранней модернизацией Испании и Португалии существовали и значительные различия.

Во-первых, перед Испанией и Португалией в свое время стоял выбор: сохранить традиционные формы экономических, политических и социальных отношений или же отказаться от них ради экономического роста.

Перед восточноевропейскими странами в начале 1990-х гг. такой выбор не стоял. Напротив, и элиты, и большинство населения этих стран искренне стремились к тому, чтобы как можно скорее уничтожить у себя

те формы экономических, политических и социальных отношений, которые сформировались в социалистический, а для Эстонии, Латвии и Литвы — советский, период их истории. И сегодня те политики в восточноевропейских странах, кто призывает к реформам, которые заведомо будут подвергнуты критике со стороны западноевропейских стран и руководства Европейского союза, вовсе не руководствуются в своих устремлениях идеей возврата к социалистическому прошлому.

Так, осуждение коммунизма стало таким же неотъемлемым элементом конституционной реформы, проведенной Виктором Орбаном в Венгрии, как и ограничение независимости Центробанка. Аналогично Анджей Дуда и Беата Шидло в Польше, пытаясь перераспределить власть между судебной и исполнительной ветвями в пользу последней, одновременно способствовали принятию в 2016 г. закона о запрете коммунистической пропаганды, под которую, согласно новому закону, попадают также топонимы, получившие свое название в честь лиц, организаций, событий и дат, связанных с социалистическим прошлым страны (Niemitz 2016). Наконец, и в Эстонии критика Европейского союза, существующая на бытовом уровне (на уровне элиты критика Европейского союза в Эстонии практически отсутствует), зачастую основывается на кажущемся сходстве между Советским и Европейским союзами. Как заявил автору настоящей работы в 1997 г. критично относившийся в то время к идее европейской интеграции знакомый этнический эстонец: «В одном общезнании мы пожили, зачем же сразу в другое лезть?»

Во-вторых, у западноевропейских стран на протяжении «долгого XIX века» — периода в европейской истории, начавшегося с Великой французской революции и завершившегося Первой мировой войной, — не было четких ориентиров модернизации, благодаря чему сформировались весьма различные политические, экономические и социальные модели. Даже у лидеров европейской модернизации эпохи Раннего Нового времени — Великобритании, Франции и Нидерландов — политическое, экономическое и социальное устройство существенно различалось. В процессе модернизации в Великобритании сформировалась британская модель, во Франции — французская, в Нидерландах — голландская, и т. д.

В отличие от них для восточноевропейских стран были сформулированы четкие ориентиры модернизации. Так, требования к избирательным системам для восточноевропейских государств сформулировала Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе; эта же организация занимается мониторингом выборов в данных странах, периодически указывая на несоответствие их избирательных систем минимальным требо-

ваниям, предъявляемым к европейским странам. Требования к соблюдению прав человека в восточноевропейских государствах сформулировал Совет Европы; эта же организация занимается мониторингом обстановки в данной сфере, также периодически формулируя рекомендации по исправлению конкретных ситуаций.

Требования к военным реформам в восточноевропейских странах устанавливает НАТО. Наконец, Европейский союз предъявляет требования по широчайшему спектру вопросов. Еще в 1993 г. Европейский совет в Копенгагене сформулировал так называемые Копенгагенские критерии — требования к экономическим, политическим и социальным системам государств, претендующих на присоединение к Европейскому союзу. Помимо Копенгагенских критериев большинство восточноевропейских стран за последние 25 лет выполнили и специфические требования, предъявляемые к странам, стремящимся присоединиться к Шенгенскому соглашению и к Экономическому и валютному союзу.

Венгрия, Польша, Румыния, Болгария, Чехословакия и Югославия уже являлись членами ОБСЕ на момент трансформации Совецания по безопасности и сотрудничеству в Европе в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе, что произошло сразу вслед за формальным роспуском Организации Варшавского договора. Страны Балтии и другие бывшие советские республики присоединились к этой организации сразу после провозглашения независимости. Большинство бывших социалистических стран и советских республик вступили также и в Совет Европы вскоре после провозглашения независимости; Эстония, например, сделала это уже в 1993 г. в отличие от Латвии, которой поначалу было отказано в присоединении к этой организации из-за ситуации в области прав русскоязычного населения (Ланко, Долженкова 2015).

Польша и Венгрия присоединились к НАТО в 1999 г., Эстония последовала за ними в 2004 г. Наконец, в том же 2004 г. и Польша, и Венгрия, и Эстония присоединились к Европейскому союзу. Таким образом, можно считать, что до середины первого десятилетия XXI в. Эстония, Польша и Венгрия, а также другие восточноевропейские страны модернизировали свои политические, экономические и социальные системы в строгом соответствии с теми ориентирами, которые установили для них наиболее влиятельные государства ОБСЕ и Совета Европы, НАТО и Европейского союза, то есть западноевропейские страны, а в случае НАТО — еще и США.

Важно отметить, что подчас эти ориентиры давали широкий простор для интерпретаций. Ведь при определении таких ориентиров учитыва-

лись уже существующие различия между политическими, экономическими и социальными системами западноевропейских стран. В самом деле, несмотря на все различия, которые существуют между, например, британской или германской политическими, экономическими и социальными системами, и Великобритания, и Германия формально соответствуют и Копенгагенским критериям Евросоюза, и требованиям НАТО, и требованиям Совета Европы, и требованиям ОБСЕ.

По сути, эти ориентиры определяют минимальные требования, но каждая европейская страна вправе самостоятельно вводить дополнительные требования, направленные на укрепление демократии, охрану прав и свобод человека, создание равных условий для конкуренции в экономике и т. п. Подчас непонимание того, что речь идет именно о минимальных требованиях, приводило к курьезным случаям. В качестве примера здесь нельзя не назвать реформу высшего образования в Эстонии, проведенную в результате подписания в 1999 г. так называемой Болонской декларации, официально именуемой «Пространство европейского высшего образования».

В интересах усиления совместимости систем высшего образования, существующих в разных странах, Болонская декларация предусматривает разделение как минимум трех уровней высшего образования: бакалавриата, магистратуры и докторантуры, — причем декларация не запрещает создания дополнительных уровней высшего образования. Например, Россия также является участницей Болонской декларации, и тот факт, что в стране есть промежуточная ступень высшего образования — аспирантура, — не существующая в некоторых других европейских государствах, не противоречит международным обязательствам России в рамках Болонской декларации.

Помимо отделения бакалавриата от магистратуры Болонская декларация предусматривает, что обучение на уровне бакалавриата длится не менее трех лет. При этом продолжительность обучения может быть более трех лет. Так, в России принят стандарт высшего образования, который предусматривает, что обучение на уровне бакалавриата должно длиться не менее четырех лет, и это не противоречит положениям Болонской конвенции. Изначально предполагалось, что отделение бакалавриата от магистратуры во всех странах-участницах Болонской декларации осуществится к 2010 г., однако в России этот процесс затянулся.

В Эстонии, напротив, отделение бакалавриата от магистратуры произошло еще до подписания Болонской декларации. Это и неудивительно — ведь Эстония стремилась как можно быстрее покончить с наследием

Советского Союза, где разделения на бакалавриат и магистратуру не было, при этом во всех странах, на которые Эстония ориентировалась в ходе своей постсоветской модернизации, — в первую очередь в Германии и Финляндии — отделение бакалавриата от магистратуры произошло задолго до окончания холодной войны. К концу 1990-х гг. в эстонских университетах существовали отдельные бакалавриат и магистратура, однако продолжительность обучения в бакалавриате в постсоветской Эстонии, как и в постсоветской России, составляла четыре года.

В связи с подписанием Болонской декларации в Эстонии начался переход на так называемую систему «3+2», подразумевавшую трехлетний бакалавриат и двухлетнюю магистратуру. Реформа вызвала резкую критику со стороны части академической элиты. Так, бывший депутат Рийгикогу и декан факультета международных отношений Европейского университета в Таллине Тоомас Алаталу предложил не считать трехлетний бакалавриат высшим образованием (Alatalu 2010). Масла в огонь добавлял и тот факт, что трехлетний бакалавриат в сочетании с двухлетней магистратурой в сумме дают пять лет в университете, благодаря чему многие в Эстонии усмотрели в новой реформе возврат к советской системе пятилетнего высшего образования.

Однако, несмотря на критику, первые бакалавры, получившие дипломы о высшем образовании по итогам трехлетнего обучения, окончили эстонские университеты в 2008 г. Представляется, что реформа была одобрена так легко из-за того, что, по мнению большинства представителей эстонской элиты, трехлетний бакалавриат является требованием Европейского союза (хотя на самом деле Болонская декларация не имеет прямого отношения к Евросоюзу и Россия также является ее участницей), а следовательно, возражать против его введения бессмысленно. Другая причина заключается в стремлении эстонской элиты сократить расходы на образование. Именно этим была обусловлена реформа высшего образования 2013 г., благодаря которой неуспевающие студенты теперь обязаны частично оплачивать свое обучение, хотя вообще в Эстонии для ее граждан высшее образование бесплатно (Kalm 2013).

В советские времена существовала шутка о том, что, мол, Эстония — это та единственная советская республика, в которой бездарные указания ЦК КПСС «выполняются с немецкой педантичностью» (см. Биров 2009). После распада Советского Союза и присоединения к Европейскому союзу эстонская элита начала с той же «немецкой педантичностью» выполнять подчас противоречивые требования, приходящие из Брюсселя, иногда не замечая случайно или намеренно, что речь идет не о требовании, а

о рекомендации, или что речь идет о минимальных или максимальных допустимых значениях тех или иных показателей, а не о единственно возможных.

Мимикрия как действие и как отношение

Эстония является одним из чемпионов постсоветской модернизации в Восточной Европе. В начале 1990-х гг. уровень экономического развития Эстонии был ниже не только, чем в Венгрии или Польше, но и, например, в соседней Латвии. Однако благодаря тому, что Эстония все эти годы «с немецкой педантичностью» выполняла западные рекомендации по трансформации своей политической, экономической и социальной системы, ей удалось опередить Латвию уже к середине 1990-х гг., к середине первого десятилетия XXI в. ей удалось опередить Польшу, а к середине 2010-х гг. — и Венгрию. Однако в отличие от Западной Германии в послевоенный период, которая за двадцать пять лет ускоренной модернизации сумела достичь сопоставимого уровня экономического развития с главной референтной страной — США, Эстония за четверть века ускоренной модернизации не смогла приблизиться к уровню экономического развития своих главных референтных стран: Германии и Финляндии.

Более того, ни одна из стран Восточной Европы, начиная с Чехии, не говоря уже об Албании, не смогла этого сделать. Единственная страна Евросоюза, которая не была частью социалистического лагеря в годы холодной войны и с которой Эстонии удалось достичь сопоставимого уровня экономического развития, оказалась Греция, причем произошло это не столько из-за экономических успехов Эстонии, сколько из-за экономических промахов нескольких последовательно сменявших друг друга правительств Греции. Более того, тот уровень экономического развития, который в Эстонии рассматривается в качестве предмета для гордости, в Греции представляется как кризисный. Недаром в Эстонии в свое время возникло недовольство относительно того, что она в числе других стран Евросоюза должна выделить Греции финансовую помощь, в то время как зарплаты учителей и врачей в Греции продолжали оставаться более высокими, чем в Эстонии. Фактически эстонским учителям и врачам предложили накормить греческих учителей и врачей вместо себя (Ägiräev 2012).

Почему так получилось? Здесь можно сформулировать несколько гипотез, и каждая из них способна дать ответ на этот вопрос; причем сле-

дует оговориться, что речь идет именно о гипотезах, которые требуют проверок.

Во-первых, разница в уровнях экономического развития между постсоветской Эстонией и Германией в 1991 г. была больше, чем разница в уровнях экономического развития между послевоенными Западной Германией и США. Соответственно, можно предположить, что если Западная Германия смогла решить задачу достижения сопоставимого с США уровня экономического развития всего за двадцать пять лет, то Эстонии потребуется для достижения сопоставимого с германским уровня экономического развития более длительный срок.

Во-вторых, существенное влияние на темпы экономического развития Эстонии оказала «Великая рецессия», начавшаяся в 2008 г. В самом деле, первый после завершения Второй мировой войны серьезный экономический кризис на Западе пришелся на 1970-е гг., когда Западная Германия уже достигла сопоставимого с США уровня экономического развития. Первый же после распада Советского Союза серьезный экономический кризис на Западе начался всего через 17 лет после этого события, то есть Эстонии не хватило каких-нибудь семи-восьми лет для достижения сопоставимого с Германией уровня экономического развития, и «игра в догонялки» между Эстонией и Германией продолжится после преодоления последствий «Великой рецессии».

Первые две гипотезы предполагают, что Эстонии удастся достичь сопоставимого с Германией уровня экономического развития в среднесрочной перспективе, то есть в течение ближайших десяти лет. Однако здесь нельзя не рассмотреть и две другие гипотезы, каждая из которых предполагает, что и в ближайшие десять и даже пятнадцать лет Эстония не сможет достичь сопоставимого с Германией или Финляндией уровня экономического развития. Первая из этих гипотез предполагает, что Эстония не в состоянии догнать Германию в обозримом будущем, поскольку на протяжении последних двадцати пяти лет Эстония не столько проводила модернизацию в соответствии с рекомендациями, которыми снабжали эстонскую элиту международные организации и правительства стран Запада, сколько мимикрировала модернизацию.

Здесь представляется важным уделить особое внимание понятию мимикрии, поскольку оно используется в современных международных отношениях как минимум в двух значениях. И если в той гипотезе, которая была сформулирована выше, понятие мимикрии воспринимается в одном значении, то в последней гипотезе, которая будет сформулирована ниже, это понятие будет использовано в значении, отличном от первого.

В первом значении под мимикрией понимается «вводящая в заблуждение имитация тех или иных политических, экономических или социальных моделей для достижения определенных целей» (Hoehne 2009). Такое определение мимикрии дает Маркус Хёне в своем анализе ситуации в Северном Сомали, где элиты имитируют институты государственной власти, формирование которых рассматривается на Западе в качестве неотъемлемого условия мирного урегулирования в регионе, скрывая тем самым сохраняющиеся практики, препятствующие достижению длительного мира.

Чаще всего в западной научной литературе понятие мимикрии в данном значении мы встречаем в трудах, посвященных странам третьего мира. Вместе с тем представляется правомерным использовать это понятие также для описания тех процессов, которые происходят в бывших социалистических и постсоветских странах, не относящихся к третьему миру. Впервые о мимикрии в социалистических странах заявил Вацлав Гавел в своей известной статье «Власть безвластных» (Havel 1978). Она открывается рассказом о лавочнике в социалистической Чехословакии, размещающем в витрине своей лавки коммунистическую символику. По мнению Гавела, торговец, о котором идет речь, делает это не из своих коммунистических убеждений, но из соображений безопасности, надеясь, что благодаря данным символам в витрине лавки контролирующие государственные органы не будут к нему слишком строги.

Представляется, что аналогичный опыт Славоя Жижека в социалистической Югославии позволил ему сформулировать тезис о цинизме как идеологии (Жижек 1999: 18). Правда, Жижек считает, что декларация лозунгов с целью сокрытия своих истинных мотивов характерна не только для бывших социалистических стран, но и для стран Запада и третьего мира. Наконец, о мимикрии применительно к постсоветской России говорил Александр Зиновьев, по мнению которого в России «имитационность является не второстепенным признаком новой социальной организации <...> но определяющим признаком ее глубинной сущности в целом и в каждой из ее частей в отдельности» (Зиновьев 2002: 67). Если согласиться с Зиновьевым, что мимикрия не только являлась характерной чертой советской системы, но и остается отличительной особенностью постсоветской России, то почему бы не предположить, что то же самое происходит и в Эстонии?

В самом деле, в постсоветской Эстонии модернизация по западным рецептам рассматривалась элитой и общественным мнением не только в качестве инструмента экономического роста, но и в качестве проблемы

безопасности. Важнейшей задачей эстонской политики в 1990-х гг. было вступление в НАТО, поскольку эстонская элита и общественное мнение видели в гарантиях безопасности, которые НАТО дает своим странам-участницам, единственно возможный способ сохранить независимость в условиях, когда ближайшим соседом Эстонии оставалась Россия. В 1990-х гг. в эстонском обществе существовали разногласия относительно присоединения к Европейскому союзу (на референдуме о присоединении к ЕС в 2003 г. в Эстонии «за» проголосовали лишь две трети населения), однако по поводу присоединения к НАТО сомнения существовали главным образом среди живущих в Эстонии этнических русских.

Некоторыми представителями эстонской элиты в 1990-е гг. вступление в Евросоюз рассматривалось в качестве ступени на пути к членству в НАТО, а не в качестве самоцели. Соответственно, у этих представителей эстонской элиты не вызвала внутреннего протеста идея имитировать выполнение требований Европейского союза, а также претензий ОБСЕ и Совета Европы, снятие которых Европейский союз полагал необходимым условием для продолжения диалога о присоединении Эстонии. Недаром, когда в 2001 г. была закрыта миссия ОБСЕ в Таллине, что ознаменовало выполнение Эстонией требований ОБСЕ в сфере соблюдения прав русскоязычного населения страны, министр иностранных дел Эстонии, будущий президент страны Тоомас Хендрик Ильвес заявил, что «избавление от миссии ОБСЕ открывает для Эстонии дверь в НАТО» (Ilves 2001).

Четвертая гипотеза, позволяющая, если она будет доказана, ответить на вопрос, почему Эстония за четверть века после распада Советского Союза так и не достигла германского уровня экономического развития, тоже связана с понятием мимикрии. Эта гипотеза предполагает, что и Эстония, и другие бывшие социалистические и постсоветские страны не смогут в рамках существующей системы европейской экономики достичь уровня Германии и большинства западноевропейских государств, что для этих стран существует «стеклянный потолок» — термин, используемый приверженцами гендерной политической теории, которым обозначается феномен, когда, несмотря на то что все формальные препятствия для выдвижения женщин на высшие должностные посты в западных государствах сняты, самые высокие посты все-таки занимают мужчины.

Либеральная теория модернизации не предполагает существования «стеклянного потолка». Однако подобное понятие мы обнаруживаем в марксистских теориях мировой экономики — например, в мир-системной

теории Иммануила Валлерстайна (Wallerstein 1979). Упрощенно его теория сводится к тому, что современный мир экономически разделен на центр, периферию и полупериферию, причем (в противоположность утверждениям либеральной теории модернизации) переход страны из одной группы в другую практически невозможен, поскольку этому препятствует сама сложившаяся система международных экономических отношений. Богатые страны потому и являются богатыми, что существуют бедные страны, и если бедных стран не станет, то и богатые страны лишатся своего богатства.

С точки зрения этой теории, богатые страны навязывают бедным странам те или иные экономические реформы (в том числе под лозунгом модернизации), проведение которых, с одной стороны, способствует экономическому росту в бедных странах, но одновременно и укреплению существующей системы международных экономических отношений, благодаря чему бедные страны оказываются неспособными сократить разрыв в уровне экономического развития с богатыми странами. Если же бедные страны начинают настойчиво задавать вопросы о том, почему же проведенные по рекомендации богатых стран реформы не позволили им войти в число богатых стран, последние указывают на несхожесть практик, сформировавшихся в бедных и богатых странах, утверждая, что бедные страны остаются бедными, потому что они не проводят реформы, но лишь имитируют их.

Таким образом, понятием мимикрии в современных международных отношениях обозначается одновременно действие и отношение к нему. С одной стороны, понятием мимикрии обозначаются действия, как правило, экономически менее развитых стран, направленные на имитацию практик, существующих в экономически более развитых странах, с целью скрыть от последних реально существующие практики, которые могут вызвать осуждение экономически более развитых стран, если последние узнают об их наличии. С другой стороны, понятием мимикрии обозначается также отношение, как правило, экономически более развитых стран к попыткам экономически менее развитых стран перенимать существующие в первых странах практики. Подчас в экономически более развитых странах есть представления о том, что экономически менее развитые страны неспособны повторить имеющиеся в первых странах практики, а все подобные попытки якобы являются не более чем имитацией.

Региональный подход как разновидность двойных стандартов

Понятие мимикрии в значении «имитация модернизации» представляется достаточно понятным для российской аудитории, особенно для той ее части, которая знакома с основными положениями либеральной теории модернизации. Понятие же мимикрии в значении «отношение образца к пытающимся копировать» представляется более сложным, это понятие было сформулировано лишь в конце XX в. приверженцами постколониальной теории международных отношений, поэтому здесь уместно уделить ему дополнительное внимание. Важнейшей работой в данном контексте является опубликованный в 1994 г. труд индийского философа Хоми К. Баба (не являющегося родственником индийского физика Хоми Дж. Баба).

По его мнению, мимикрия — это форма отношений, возникающих каждый раз, когда один из их участников воспринимает практики, используемые другим участником отношений, «схожими [с теми, которые использует первый участник], но не совсем» (Bhabha 1994: 122). Баба ввел это понятие для обозначения отношения британцев к копированию их культурных практик индийцами в период колониального владычества Великобритании в Индии, а также в последующие годы. Однако в дальнейшем такое определение мимикрии начало использоваться и для обозначения отношения представителей Запада к копированию за пределами Запада его политических, экономических и социальных практик и институтов. Таким образом, мимикрию можно считать обратной стороной модернизации, неотъемлемо сопровождающей ее.

В контексте использования введенного Хоми К. Баба понятия мимикрии для анализа международных экономических отношений значительный интерес представляет работа Лили Линг об азиатском финансовом кризисе 1990-х гг., который затронул большинство стран мира за пределами Запада — от Южной Кореи до Бразилии — включая и Россию, где этот кризис стал усугубляющим фактором финансового кризиса 1998 г. (Ling 2004). Линг выделяет две разновидности мимикрии как отношения образца к пытающимся копировать: формальную мимикрию и сущностную мимикрию. Под формальной мимикрией понимается ситуация, когда та или иная страна за пределами Запада пытается копировать модели политических, экономических или социальных отношений, которые ей рекомендуют страны Запада, вне зависимости от того, насколько реально существующие практики в самих странах Запада близки к этим моделям.

Под сущностной мимикрией понимается ситуация, когда та или иная страна за пределами Запада пытается копировать модели политических, экономических или социальных отношений, реально существующие в странах Запада, но не рекомендуемые к копированию. Попытки формальной мимикрии, как правило, получают одобрение со стороны стран Запада. Попытки же сущностной мимикрии обычно осуждаются странами Запада. Именно это, по мнению Линг, произошло с политикой в области регулирования финансовых рынков в странах Восточной Азии в условиях азиатского финансового кризиса.

Накануне кризиса государства Запада (в первую очередь США) оказывали существенное влияние на страны Восточной Азии с целью либерализации финансовых рынков последних. В результате либерализация финансовых рынков в странах Восточной Азии была проведена, и западным банкам там были предоставлены равные права с национальными банками. Автор настоящего доклада не утверждает, что либерализация финансовых рынков стала основной причиной начала азиатского финансового кризиса, поскольку этот кризис имел и ряд других причин; скорее, можно говорить о совпадении во времени. Однако оно потребовало от стран Запада объяснений, почему навязываемая ими либерализация финансовых рынков предшествовала азиатскому финансовому кризису.

Согласно Линг, основной причиной азиатского финансового кризиса западные средства массовой информации назвали «дикий капитализм» в странах Восточной Азии. В самом деле, либерализация финансовых рынков в странах Восточной Азии не только предоставила западным банкам равные возможности на этих рынках по сравнению с банками этих стран, но и предоставила банкам из азиатских стран равные права с западными банками. Ситуация, когда азиатские банки не только имеют равные возможности с западными банками (пусть и на территории азиатских стран), но и на практике пользуются ими, применяя все те же приемы, к которым прибегают западные банки в целях максимизации своей прибыли, является, по мнению западных средств массовой информации, «диким капитализмом».

В этом, по мнению Линг, заключается разница между формальной и сущностной мимикрией: пока азиатские страны формировали институты государственного регулирования финансового сектора в соответствии с моделями, рекомендуемыми Западом, это являлось формальной мимикрией и вызвало поддержку Запада; когда же азиатские банки начали действовать в рамках этих институтов так же, как западные банки, это стало сущностной мимикрией и вызвало порицание со стороны Запада.

Однако между формальной и сущностной мимикрией есть важное сходство: и к первому, и ко второму Запад относится именно как к попытке мимикрии.

Запад оказывается неспособным признать, что азиатские страны могут сформировать такие же институты государственного регулирования, как на Западе, даже если это те институты, формирования которых Запад требовал от азиатских стран; эти институты в любом случае будут восприниматься на Западе как «похожие, но не совсем». Также Запад оказывается неспособным увидеть, что азиатские банки в своей деятельности прибегают к тем же приемам, что и западные банки; деятельность азиатских банков всегда будет восприниматься как «похожая, но не совсем». И если те или иные действия западных банков рассматриваются на Западе как норма, то такие же действия азиатских банков будут рассматриваться как «дикий капитализм».

Аналогичным образом, когда восточноевропейские страны выполняют Копенгагенские критерии и присоединяются к Евросоюзу или заключают с ним Соглашение об ассоциации и вступают на путь выполнения Копенгагенских критериев, для Западной Европы это становится проявлением формальной мимикрии и всячески поддерживается. Когда же восточноевропейские страны начинают действовать теми же методами, что некогда европейские страны, и создают, например, Евразийский экономический союз, то для Западной Европы это становится проявлением сущностной мимикрии и подвергается критике (Ланко 2015а). Однако в обоих случаях для Запада такие действия восточноевропейских стран являются мимикрией, а формируемые в результате подобных действий институты и практики — похожими на те, что существуют на самом Западе, «но не совсем».

Отношение Запада к попыткам копирования западных практик за пределами Запада как к попыткам мимикрии становится причиной применения в практике отношений между странами Запада и не Запада так называемых двойных стандартов. Ведь под двойными стандартами, как правило, понимается практика неодинакового отношения к схожим явлениям, имеющим место в разных странах мира, оправдываемая тем, в частности, что эти явления «схожи, но не совсем». Так, в практике современной международной политики можно обнаружить неодинаковое отношение к схожим событиям, происходящим в своей стране и в других странах, в странах-союзниках и в странах-противниках, в странах, отличающихся друг от друга по доминирующей этнической, расовой или религиозной группе.

Наконец, в практике современной международной политики мы встречаем примеры и регионального подхода — разновидности двойных стандартов, когда демонстрируется неравное отношение к схожим явлениям, имеющим место в различных регионах мира (Ланко 2014). Например, проявлением регионального подхода является противопоставление Востока и Запада, какое мы обнаруживаем в уже цитированной здесь работе Дмитрия Травина и Отара Маргани. С одной стороны, Япония является примером успешной модернизации как во второй половине XIX в., так и во второй половине XX в. С другой стороны, «Восток <...> даже энергично модернизируясь, будет оставаться Востоком» (Травин, Маргания 2004: 35).

Более глубоко этот феномен анализирует британский ученый палестинского происхождения Эдвард Саид, указавший на взаимную связанность между тремя феноменами, для обозначения каждого из которых он использует одно и то же слово — «ориентализм» (Said 2014). Во-первых, ориентализм — это наука о странах Востока, основывающаяся на предположении, что на Востоке политические, экономические и социальные процессы протекают не так, как на Западе. Во-вторых, ориентализм — неотъемлемая часть западной культуры, сформировавшаяся под влиянием соприкосновения Запада с Востоком. В английской литературе примером в данном контексте является творчество Редьярда Киплинга, в русской — Михаила Лермонтова.

Наконец, в-третьих, ориентализм — это сформировавшийся в странах Запада дискурс в терминологии Мишеля Фуко (Foucault 1970), в котором явления, имеющие место на Востоке, принято воспринимать отличными от аналогичных явлений на Западе. В этом, третьем, значении ориентализм является проявлением регионального подхода. Причем, по мнению Саида, ориентализм в каждом своем значении способствует стабилизации в западном обществе ориентализма в двух других значениях: ориентализм в науке и литературе поддерживает дискурс о превосходстве Запада над Востоком, который, в свою очередь, информирует как научные исследования, так и литературное творчество.

Помимо ориентализма на Западе существует и другое направление научных исследований, основывающееся на несхожести с западными политическими, экономическими и социальными процессами, происходящими в одном из регионов мира, — это так называемые посткоммунистические исследования, в годы холодной войны известные как советология. Среди представителей этого научного направления наибольшую известность в России имеет, пожалуй, Ричард Саква (см., напр., Sakwa 1996).

Одновременно в западной художественной литературе и особенно в кинематографе (лента «Красная жара») широко представлена тема соприкосновения Запада с Советским Союзом. Существует на Западе и дискурс, для которого характерно противопоставление Запада и постсоветских стран, что позволяет говорить еще об одном проявлении регионального подхода.

Наконец, в Западной Европе есть и дискурс, для которого характерно противопоставление Западной и Восточной Европы. По мнению Ларри Вульфа, западноевропейская традиция противопоставления Западной и Восточной Европы уходит корнями в эпоху Просвещения и возникновению этой традиции среди прочего способствовали как научные исследования, так и литературные произведения, созданные в ту эпоху (Вульф 2003). Данный дискурс также является проявлением регионального подхода. Именно благодаря существованию на Западе такого дискурса, заставляющего, например, финнов противопоставлять явления, происходящие в их стране и других странах Западной Европы, явлениям, происходящим в Эстонии и других странах Восточной Европы, выше об Эстонии, Венгрии и Польше говорилось как о восточноевропейских странах, а не использовался более привычный термин «Центральная и Восточная Европа».

Проявления регионального подхода можно обнаружить и в российской внешней политике в отношении Эстонии (Ланко 2013). Так, российскую дипломатию иногда критикуют за то, что для нее характерно преувеличенное внимание к проблематике прав этнических русских в Эстонии (а также в Латвии и в меньшей степени в Литве), в то время как аналогичная проблематика в странах СНГ замалчивается российской дипломатией. Представляется, что такую практику можно считать и проявлением регионального подхода: в отношении Эстонии, воспринимаемой в российской дипломатии в качестве европейской страны, применяются иные стандарты, чем в отношении неевропейских стран СНГ.

Прибегая к подобной практике, российская дипломатия стремится продемонстрировать, что ситуация в Эстонии схожа с ситуацией в других европейских странах, «но не совсем». До недавнего времени такая практика была характерна лишь для российской дипломатии (имеющие место в Эстонии и Латвии попытки героизации солдат — жителей этих стран, состоявших в войсках СС, вызывали и продолжают вызывать критику со стороны не только России, но и Израиля), поэтому в Эстонии на нее не обращали внимания. Однако в последнее время на ситуацию с правами этнических русских в Эстонии все большее внимание начинают обращать

и западноевропейские страны. Аналогично в Западной Европе начали обращать внимание и на две другие ранее игнорировавшиеся проблемы Эстонии: коррупцию и сохраняющуюся экономическую зависимость от России.

Неудачи эстонской модернизации

Основным аргументом критиков модернизации в Эстонии и в странах Балтии в целом является сокращение населения этих стран на протяжении последних двадцати пяти лет. Если в 1990-х уезжали главным образом этнические русские (причем уезжали они не только в Россию, но и в страны Запада), то после присоединения Эстонии к Европейскому союзу в 2004 г. среди уезжающих стали преобладать этнические эстонцы. Всего за двадцать пять лет население Эстонии сократилось более чем на 10%. Если согласно переписи населения 1989 г. в Эстонии проживало более полутора миллиона человек, то по переписи населения 2011 г. — менее миллиона трехсот тысяч человек. Убывание населения в Эстонии, а также в Латвии и Литве в последнее время отметили и западные средства массовой информации (см., напр., Streihammer 2016).

Представляется, что основной причиной оттока населения из Эстонии является резкий разрыв в средних уровнях заработной платы в Эстонии и других европейских государствах, включая соседнюю с ней Финляндию. Несмотря на успехи модернизации в Эстонии на протяжении последних двадцати пяти лет, этот разрыв остается существенным и сегодня. Вторая причина — участие Эстонии в Европейском союзе: для переезда на работу в Западную Европу жителям Эстонии не нужно получать каких-либо разрешений. Однако и положение этнических русских в Эстонии, являвшееся основной причиной их массового оттока в 1990-е гг., и коррупция, и экономическая зависимость от России, из-за которой регулярные экономические кризисы в Российской Федерации каждый раз больно бьют по экономике Эстонии, также можно отнести к причинам массовой эмиграции населения.

Неспособность Эстонии интегрировать этнических русских в политику, экономику и общество — одна из неудач эстонской модернизации. Несмотря на обещания эстонской элиты, данные еще в 1990-х гг., что эта проблема будет со временем решена, и воспринятые с доверием международными организациями (благодаря чему в том числе была закрыта миссия ОБСЕ в Эстонии), эти обещания не были выполнены в последующие

пятнадцать лет. До сих пор порядка восьмидесяти тысяч жителей Эстонии не имеют права голоса на выборах Рийгикогу и Европейского парламента (общее число зарегистрированных избирателей в стране составляет порядка девятисот тысяч человек), хотя в 1990-е гг. казалось, что решение проблемы не должно занять более пятнадцати лет. Однако эти люди имеют право голоса на выборах в органы местного самоуправления, благодаря чему в местных выборах в Эстонии, в отличие от большинства европейских стран, принимает участие больше избирателей, чем в парламентских выборах. Так, на местных выборах в Эстонии в 2013 г. проголосовало 630 тысяч человек, в то время как на парламентских выборах в 2015 г. — 574 тысячи человек (Vabariigi Valimiskomisjon 2016).

Если эстонцы начнут спрашивать, почему же, несмотря на то что они выполнили все рекомендации Европейского союза, многочисленных международных организаций и стран Запада, они так и не смогли достичь сопоставимого с Западом уровня экономического развития, неспособность эстонского государства решить проблему русского меньшинства в стране будет использована в качестве одного из вариантов ответа. Могли ли эстонцы ожидать реального экономического роста в условиях, когда они имитировали проведение одной из важнейших реформ? Ранее на эту проблему Эстонии указывали практически исключительно представители российских государственных и негосударственных организаций.

Однако в последнее время аналогичные вопросы стали задавать и представители Европейского союза. Так, на начало 2017 г. в Европарламенте назначены специальные слушания по проблеме дискриминации, в рамках которых будет обсуждена и представленная депутатами Европарламента Яной Тоом (Эстония), а также Татьяной Жданок и Андреем Мамыкиным (Латвия) петиция, в которой содержится призыв к Европарламенту содействовать получению всеми постоянными жителями Эстонии и Латвии права вступать в политические партии и участвовать в выборах в Европарламент. Ранее, в сентябре 2015 г., Европарламент 357 голосами против 331 голоса одобрил пункт 167 резолюции «О ситуации с фундаментальными правами в ЕС (2013–2014)» (European Parliament 2015).

В этом пункте, во-первых, осуждается дискриминация полумиллиона проживающих в Евросоюзе лиц без гражданства (из которых половина проживает в Эстонии и Латвии). Во-вторых, пятнадцать миллионов постоянно проживающих в Евросоюзе граждан иностранных государств и полмиллиона лиц без гражданства приравниваются друг к другу в правах; таким образом, уравниваются в правах проживающие в Эстонии и Латвии граждане России и лица, не являющиеся гражданами какого-либо госу-

дарства. Наконец, в-третьих, страны-участницы Евросоюза, включая Эстонию и Латвию, призываются в скорейшие сроки ратифицировать и полностью выполнить Конвенцию ООН 1961 г. о сокращении безгражданства, а также Европейскую конвенцию Совета Европы о гражданстве 1997 г.

Представляется, что основная причина неспособности эстонской элиты решить проблему массового безгражданства на протяжении двадцати пяти лет заключается в опасениях каждой из крупных эстонских политических партий, что если эта партия выступит с предложением решить проблему раз и навсегда, то потеряет голоса части этнических эстонцев (а для всех эстонских партий, включая Центристскую партию, за которую голосует большинство этнических русских в Эстонии, имеющих право голоса, голоса этнических эстонцев крайне важны), настроенных радикально-националистически, из-за чего эта партия перестанет быть крупной.

К тому же нельзя исключать и того, что какую-то роль здесь играют соображения коррупционного характера, поскольку представляется невозможным полностью исключить взаимосвязь между сохраняющейся в Эстонии коррупцией и конфигурацией партийно-политической системы страны. С одной стороны, сегодня в Эстонии можно увидеть элементы политической борьбы, характерные для любой парламентской демократии современной континентальной Европы. С другой стороны, в результате этой борьбы кабинет министров, как правило, формируется из представителей двух или трех из четырех крупнейших политических партий, в то время как другие одна или две крупнейшие политические партии находятся в оппозиции.

Иногда (как в 2007–2016 гг.) в оппозиции находится Центристская партия и (в разные годы) либо Социал-демократическая партия, либо «Союз отечества и республики», а представитель Партии реформ возглавляет кабинет министров. Иногда (как в настоящее время) в оппозиции находится Партия реформ, а представитель Центристской партии возглавляет кабинет министров, в то время как министерские портфели делятся между представителями этой партии и Социал-демократической партии и «Союза отечества и республики». Однако никогда на протяжении последних десяти лет в состав кабинета министров не входили представители малых политических партий: Партии зеленых, представленной в Рийгигогу в 2007–2011 гг., и Консервативной народной партии и Свободной партии, представленных в нынешнем составе Рийгигогу.

Такую ситуацию представляется возможным охарактеризовать как «картель четырех партий». Недаром крупнейший в Эстонии специалист

по политическим партиям Рейн Тоомла в своей фундаментальной монографии об эволюции эстонской партийно-политической системы в первое десятилетие XXI в. в обзор новейших тенденций в исследовании политических партий в западной политологии включил раздел о картелизации партийно-политических систем (Тоомла 2011). Помимо стремления определенной группы внутри политической элиты к исключению прочих элитных групп из политического процесса, картелизация может быть обусловлена и соображениями коррупционного характера.

Несмотря на декларируемые эстонским правительством усилия по противодействию коррупции, она в стране сохраняется. Американский политолог эстонского происхождения Рейн Таагепера в начале XXI в. предположил, что высокий уровень коррупции обуславливается ценностными ориентациями большинства населения, которое «застряло» между Востоком и Западом (Таагепера 2002). Американский политолог латвийского происхождения Расма Карклинс примерно в тот же период предположила, что высокий уровень коррупции в Латвии обуславливается системными проблемами: те или иные официальные лица берут взятки не потому, что иначе они оказываются не в состоянии содержать свои семьи, и не потому, что большинство населения уверено, что любая проблема с властями может быть решена за деньги (как предполагает Рейн Таагепера), но потому что их непосредственные руководители оценивают работу своих подчиненных исходя из единственного критерия — сколько денег эти подчиненные передают «наверх» (Karklins 2005).

Более чем за десятилетие с момента публикации работы Таагепера ситуация в сфере борьбы с коррупцией в Эстонии, несомненно, улучшилась. Вместе с тем проблемы в данной сфере сохраняются. Последняя «громкая» отставка официального лица из-за подозрений в коррупции произошла летом 2015 г., когда в отставку отправилась бывший министр иностранных дел страны Кейт Пентус-Розиманнус, после того как выяснилось, что она с самого начала знала о незаконных аспектах банкротства фирмы ее отца. В некоторых случаях представляется возможным говорить о политической мотивации в ряде коррупционных скандалов. Так, хотя обвинения в коррупции, выдвинутые против бывшего лидера Центристской партии и бывшего мэра Таллина Эдгара Сависаара, не были (по состоянию на конец ноября 2016 г.) доказаны в суде, под влиянием этих обвинений ему пришлось уйти со всех своих политических постов.

Таким образом, коррупция продолжает оставаться проблемой Эстонии и через двадцать пять лет после распада Советского Союза, куда, по убеждению большинства эстонцев, эта проблема уходит корнями.

Несмотря на декларируемые усилия эстонского правительства в данной сфере, остается непонятным, в какой мере правительство действительно предпринимает здесь усилия, а в какой — лишь имитирует соответствующую работу. Если эстонцы начнут задавать вопрос, почему же, несмотря на успешную модернизацию на протяжении четверти века, они так и не достигли сопоставимого со странами Западной Европы уровня экономического развития, неспособность эстонского правительства покончить с коррупцией станет одним из вариантов ответа. Могли ли эстонцы ожидать реального экономического роста в условиях, когда они имитировали борьбу с коррупцией?

Аналогичным образом можно оценить и ситуацию в сфере преодоления экономической зависимости от России — цели, которую декларировало большинство из находившихся у власти в Эстонии на протяжении последних четверти века кабинетов министров. Когда в Эстонии говорят об экономической зависимости от России, то, как правило, речь идет о преодолении энергетической зависимости от поставок природных ресурсов из Российской Федерации. В самом деле, вплоть до 2014 г. весь потребляемый природный газ Эстония закупала в России. Ситуация стала меняться лишь в 2015 г. Во-первых, в декабре 2014 г. начал работу терминал по приему сжиженного природного газа в Клайпеде (Литва), через который за 2015 г. было перегружено более полумиллиарда кубометров природного газа.

Часть этого природного газа была использована в Литве, а часть — продана в Латвию и Эстонию; доля импортированного из Литвы природного газа в общем потреблении природного газа в Эстонии составила порядка 20% (Elering 2016). Во-вторых, в 2015 г. «Газпром» впервые провел аукционы по продаже природного газа на рынке Европейского союза, и часть этого газа также была закуплена эстонской газовой компанией «Elering». Таким образом, Эстония закупила природный газ у «Газпрома», однако не по цене, установленной в ходе переговоров между представителями российской и эстонской газовых компаний, но по цене, установленной на открытом аукционе, в котором участвовали газовые компании из многих стран Евросоюза, благодаря чему стало возможно говорить о снижении способности «Газпрома» оказывать давление на Эстонию в разных вопросах, включая и цену на газ.

Наконец, в-третьих, в 2016 г. Европейская комиссия приняла решение профинансировать на 75% строительство газопровода по дну Финского залива, который соединит газовые рынки Эстонии и Финляндии, где, в свою очередь, также в последние годы был построен терминал по приему сжиженного природного газа и начато строительство второго такого тер-

минала. Представляется, что когда (если) в 2020 г. строительство этого газопровода, известного как “BalticConnector”, будет завершено, это станет способствовать еще большей энергетической независимости Эстонии от России. Думается, что достижение энергетической независимости окажется важнейшим фактором снижения общей экономической зависимости Эстонии от России, которая пока остается значительной.

Данные в таблице 3 демонстрируют высокую степень корреляции между темпами экономического развития в России и в Эстонии, выраженными в показателе ВВП на душу населения с учетом паритета покупательной способности. В 2008–2010 гг. корреляция обуславливалась началом «Великой рецессии» в 2008 г., когда вслед за периодом длительного экономического роста в 1999–2008 гг. последовал спад в 2009 г. (в Эстонии он продолжался два года — в 2009 и 2010 гг.), после чего вновь начался экономический рост, благодаря чему Россия и Эстония вышли на уровень 2008 г. в 2011 и 2013 гг. соответственно. Однако корреляция в 2014–2015 гг. обуславливается именно сохраняющейся экономической зависимостью от России, из-за которой начало спада в России в 2014 г. привело к тому, что и в Эстонии начался спад, правда, на год позже.

Таблица 3. ВВП на душу населения с учетом ППС

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Эстония	\$16586	\$18094	\$14726	\$14641	\$17453	\$17490	\$19155	\$20147	\$17295
Россия	\$9101	\$11635	\$8562	\$10674	\$14212	\$15154	\$15543	\$13902	\$9057

Источник: Всемирный банк (data.worldbank.org)

Как было сказано выше, в основе экономической зависимости от России лежит энергетическая зависимость Эстонии. С одной стороны, в последние три года можно увидеть признаки уменьшения такой зависимости. С другой стороны, они появились не потому, что Эстония (а также Латвия или Литва) предприняли существенные усилия на этом направлении, но их появление было обусловлено влиянием со стороны стран Западной Европы. Терминал по переработке сжиженного газа в Литве не появился бы, если бы его постройка на значительную долю не была профинансирована Европейской комиссией. И даже когда он был закончен, то не заработал бы, если бы норвежская газовая компания “Statoil” не обеспечила его поставками на основе пятилетнего контракта.

Аналогично газопровод “BalticConnector” едва ли будет когда-либо построен без поддержки Европейской комиссии и финляндской государственной компании “BalticConnector OÜ”. Неудивительно, что у западноевропейских партнеров Эстонии и других стран Балтии на разных этапах строительства терминала по приему сжиженного природного газа в Клайпеде и газопровода “BalticConnector” (а этот проект обсуждается, начиная с 2013 г.) возникало ощущение, что их литовские и эстонские партнеры не столько стремятся скорейшими темпами завершить эти проекты, чтобы достичь еще большей энергетической независимости от России, сколько имитируют участие в данных проектах с целью принять участие в распределении выделяемого Европейской комиссией финансирования.

Когда в ноябре 2016 г. Рийгигогу вынес вотум недоверия премьер-министру Таави Рыйвасу, занимавшему этот пост в 2014–2016 гг., последний заявил, что такое решение было несправедливым, поскольку за весь период своего пребывания в кресле премьер-министра он «не сделал ни одной ошибки» (Rõivas 2016). В самом деле, довольно сложно назвать конкретную ошибку, которую допустил премьер Рыйвас за эти два года. Вместе с тем результаты его деятельности на посту премьера, в том числе в вопросе преодоления экономической зависимости от России, оказались таковы, что сторонний наблюдатель не может однозначно сказать, в самом ли деле два кабинета Рыйваса стремились преодолеть эту зависимость или же они лишь имитировали соответствующую деятельность.

Заключение

В 2004 г., когда Эстония, Польша и Венгрия присоединились к Европейскому союзу, казалось, что курс этих стран на модернизацию останется стабильным на долгосрочную перспективу. В реальности, однако, спустя шесть лет в Венгрии начался поворот в сторону авторитаризма и централизации экономики, связанный с приходом к власти в стране партии «Фидеш» во главе с Виктором Орбаном. В Польше аналогичный поворот начался в 2015 г. в связи с приходом к власти партии «Право и справедливость», президента Анджея Дуды и премьер-министра Беаты Шидло. Пока неизвестно, как надолго «Фидеш» в Венгрии и «Право и справедливость» в Польше останутся у власти и вернутся ли эти страны на путь модернизации после их ухода в оппозицию. Также неизвестно, не произойдет ли аналогичный поворот в ближайшее время в Эстонии или в любой другой восточноевропейской стране.

За двадцать пять лет после распада Советского Союза Эстония последовательно проводила курс на модернизацию своей политики и экономики. В России же темпы модернизации были гораздо скромнее, а в ряде случаев можно было говорить и о движении в обратную сторону. Вместе с тем к 2013–2014 гг., после которых в России, а год спустя — и в Эстонии, начался экономический спад, две эти страны достигли сопоставимого уровня экономического развития. Одновременно, несмотря на проводимую модернизацию по западным рецептам, Эстония (как Венгрия и Польша) не смогла достичь сопоставимого уровня экономического развития с западноевропейскими странами: ни с находившейся в 2009–2015 гг. в глубоком кризисе Финляндией, ни со стабильной Германией, ни тем более с быстро развивавшейся Ирландией.

Из всех стран Евросоюза, не находившихся в годы холодной войны в социалистическом лагере, Эстония смогла достичь сопоставимого уровня экономического развития лишь с Грецией, причем если в Эстонии достижение такого уровня экономического развития рассматривается в качестве предмета национальной гордости за успехи модернизации, то в Греции аналогичный уровень экономического развития расценивается как кризисный. У жителей Эстонии вызывает недовольство тот факт, что они вынуждены оказывать финансовую помощь Греции, несмотря на то что обе страны имеют практически одинаковый уровень экономического развития. И если в Эстонии в ближайшее время произойдет поворот в сторону от курса на дальнейшую модернизацию, это недовольство станет одним из факторов такого поворота.

Существует ряд гипотез, позволяющих объяснить, почему Западная Германия за двадцать пять лет послевоенной модернизации смогла достичь сопоставимого с американским уровня экономического развития, в то время как Эстония за двадцать пять лет постсоветской модернизации не смогла достичь уровня экономического развития, сопоставимого с Германией. Во-первых, разрыв между Западной Германией и США в 1945 г. был меньшим, чем разрыв между Эстонией и Германией в 1991 г.; возможно, прошло еще недостаточно времени. Во-вторых, начало «Великой рецессии» в 2008 г. существенно повлияло на темпы модернизации в Эстонии. В-третьих, хотя Эстония за четверть века, прошедшие после распада Советского Союза, и провела ряд важных реформ, по поводу некоторых других, не менее важных, реформ нельзя однозначно сказать, пыталась ли Эстония действительно что-то сделать или же имела место имитация реформ.

Так, за двадцать пять постсоветских лет Эстония не смогла решить проблему массового безгражданства, хотя в 1990-е гг. предполагалось, что

решение этой проблемы не должно занять более пятнадцати лет. Кроме того, несмотря на декларируемые большинством эстонских кабинетов министров усилия по борьбе с коррупцией, пока эти усилия не привели к достижению существенных результатов. Наконец, хотя эстонская элита на протяжении последних четверти века декларировала необходимость ослабления экономической зависимости страны от России, конкретные проекты, направленные на преодоление этой зависимости, реализовывались лишь тогда, когда на них выделялось финансирование институтами Европейского союза или отдельными государствами Запада.

В-четвертых, в современных условиях Эстония может и не преодолеть экономического разрыва с западноевропейскими странами, что обуславливается характером международных экономических отношений внутри Европейского союза, существованием даже в границах Евросоюза пресловутого «стеклянного потолка». В отличие от либеральной теории экономической модернизации марксистская теория экономической зависимости предполагает возможность возникновения «стеклянного потолка» в результате внедрения менее экономически успешными странами институтов, навязываемых их более экономически успешными соседями и способствующих перераспределению финансовых потоков в мировой экономике в пользу последних.

Важнейшим отличием постсоветской модернизации в Эстонии, Венгрии и Польше от той модернизации, которая проходила в Раннее Новое время в Англии, Франции и Нидерландах, является то, что последние не знали, куда они идут, но были уверены в том, что старые политические, экономические и социальные институты тянут их назад, и стремились заменить их новыми. В постсоветский период Эстония, Венгрия и Польша не искали замену старым институтам (как советским, так и тем, которые существовали в этих странах в довоенный период), но приводили свои политические, экономические и социальные институты в соответствие с рекомендациями Запада. Следовательно, необходимость изменений не была полностью осознана в этих странах, но в некоторых случаях возникал соблазн не проводить изменения, но имитировать их.

Вне зависимости от того, в какой мере в Эстонии проводились реальные реформы (например, в сфере борьбы с коррупцией), а в какой мере проведение этих реформ имитировалось, подозрения в мимикрии могут быть использованы в случае, если эстонцы начнут, подобно венграм и полякам, задавать вопрос, почему же, несмотря на четверть века успешной модернизации, они так и не смогли достичь сопоставимого с Западной Европой уровня экономического развития. В самом деле, как могли эстон-

цы рассчитывать на существенный экономический рост, если они лишь имитировали важнейшие реформы: решение проблем безгражданства, коррупции и экономической зависимости от России?

Таким образом, ответ на вопрос, свернет ли Эстония в среднесрочной перспективе с курса на дальнейшую модернизацию, будет зависеть в первую очередь от того, как долго большинство эстонцев останутся удовлетворенными своим положением «чемпиона» модернизации по сравнению с Россией, соседними Латвией и Литвой, а также менее развитыми центральноевропейскими странами, такими как Венгрия и Польша. Но даже если эстонцы и начнут задавать вопрос о том, почему же за четверть века реформ они не смогли достичь уровня жизни, сопоставимого с соседней Финляндией, это не будет означать немедленного поворота. Ведь в ответ они узнают, что их усилия по решению проблем безгражданства, коррупции и экономической зависимости от России на протяжении этих четверти века были недостаточными.

Удовлетворятся ли эстонцы такими объяснениями? Предпримут ли они дополнительные усилия по решению этих трех и некоторых других проблем, решения которых в последние четверть века откладывались на потом? Или же в Эстонии, как ранее в Венгрии и Польше, начнут говорить о том, что рекомендации Европейского союза не столько помогают решить существующие проблемы в экономике, сколько добавляют новых проблем — например, неизвестную Эстонии ранее проблему приема значительного числа беженцев из стран Ближнего Востока? От того, как сами эстонцы ответят на эти вопросы, будет зависеть, сохранится ли в Эстонии нынешний политический курс или же произойдет поворот, аналогичный тем, которые случились в Венгрии и Польше. Однако несомненно, что в среднесрочной перспективе отмеченные здесь вопросы станут актуальными для эстонской политики.

Литература

Биров А. Как нам обустроить Эстонию // Столица.еэ. 2009. 17 декабря. (<http://stolitsa.ee/5183>, дата обращения 01.11.2016)

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

Еремина Н. В. Авторитарный дрейф в ЕС: куда идут Венгрия и Польша? // Евразия. Эксперт. 2016. 9 ноября. (<http://eurasia.expert/avtoritarnyy-dreyf-v-es-kuda-idut-vengriya-i-polsha/>, дата обращения 01.11.2016)

Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999.

Заостровцев А. П. Россия: жизнь после 2013 года. Препринт М-51/16. СПб.: М-Центр, Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016.

Зиновьев А. А. Русская трагедия: гибель утопии. М.: Эксмо, 2002.

Ланко Д. А. Страны Балтии после распада СССР (Глава 3) // СССР после распада / Общ. ред. О. Л. Маргании. СПб.: Экономическая школа, 2007. С. 121–196.

Ланко Д. А. Популизм и политическое участие: уличные беспорядки в странах Балтийского региона в 2007–2009 гг. // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2009. Т. 5. № 2. С. 209–230.

Ланко Д. А. Региональный подход в политике Российской Федерации в отношении Эстонской Республики // Балтийский регион. 2013. № 3(17). С. 52–64.

Ланко Д. А. Влияние регионального подхода на внешнюю политику (на примере России и США в 2000–2008 годах). СПб.: СПбГУ, 2014.

Ланко Д. А. Мимикрия как препятствие для развития отношений между Евразийским экономическим союзом и Европейским союзом // Управленческое консультирование. 2015а. № 11(83). С. 157–169.

Ланко Д. А. Партийно-политическая система Эстонской Республики в середине 2010-х гг. // Балтийский регион. 2015б. № 2. С. 67–77.

Ланко Д. А., Долженкова Е. Латвия в территориальной системе европейской безопасности // Балтийский регион. 2015. № 1. С. 73–78.

Приговор международного военного трибунала. 1945. (<http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000021/st048.shtml>, дата обращения 01.11.2016)

Симсон К. Керсти Кальюлайд может стать не самым удобным партнером для правительства // Сообщение информационного агентства BNS, опубликованное на русскоязычном портале крупнейшей эстонской газеты “Postimees” 3 октября 2016 г. (<http://rus.postimees.ee/3858977/simson-kersti-kaljulaid-mozhet-stat-ne-samym-udobnym-partnerom-dlja-pravitelstva>, дата обращения 01.11.2016)

Травин Д. Я., Маргания О. Л. Германия: блеск и нищета авторитаризма (Глава 3) // Европейская модернизация. Кн. 1. М.: АСТ, 2004.

Alatalu T. Bakalaureus pole veel kõrgharidus // Delfi. 2010. 15. juuli. (<http://www.delfi.ee/archive/toomas-alatalu-bakalaureus-pole-veel-korgharidus?id=32136191>, дата обращения 01.11.2016)

Äripäev. Eesti abi Kreekale võrdne töötukassa reservidega // Äripäev. 2012. 10. veebruar. (<http://www.aripaev.ee/opinion/2012/02/10/eesti-abi-kreekale-vordne-tootukassa-reservidega>, дата обращения 01.11.2016)

Bhabha H.K. The Location of Culture. London and New York: Routledge, 1994.

Deutsche Bank. Estonia: among the Most Successful Transformation Countries. Focus — Eastern Europe: Deutsche Bank Research Series. 1996. No. 163, September 24.

Deutsche Welle. EU's Barroso warns Hungary's Orban on constitution. April 12, 2013. (<http://www.dw.com/en/eus-barroso-warns-hungarys-orban-on-constitution/a-16741178>, дата обращения 01.11.2016)

Djankov S. Hungary under Orban: Can Central Planning Revive Its Economy? Press Briefing 15–11 of the Peterson Institute for International Economics. July 2015. (<https://piie.com/publications/pb/pb15-11.pdf6>, дата обращения 01.11.2016)

Eimann A. Kersti Kaljulaid räägib keeleoskuse lihvimiseks oma ihukaitsjatega vene keeles // Postimees. 2016. 20. oktoober. (<http://www.postimees.ee/3879563/kersti-kaljulaid-raagib-keeleoskuse-lihvimiseks-oma-ihukaitsjatega-vene-keeles>, дата обращения 01.11.2016)

Elering AS. Eesti gaasisüsteemi ja -turu 2015. aasta kokkuvõte. 2016. 22. märts. (<http://gaas.elering.ee/wp-content/uploads/2016/03/Gaasisusteemi-aastakokkuvote-2015.docx>, дата обращения 01.11.2016)

European Commission. Rule of Law: Commission Issues Recommendations to Poland. Brussels, 27 July 2016. (http://europa.eu/rapid/press-release_IP-16-2643_en.htm, дата обращения 01.11.2016)

European Council. Presidency Conclusions. Luxembourg, December 12–13, 1997. (http://www.europarl.europa.eu/summits/lux1_en.htm, дата обращения 01.11.2016)

European Council. Presidency Conclusions. Helsinki, December 10–11, 1999. (http://www.europarl.europa.eu/summits/hel1_en.htm, дата обращения 01.11.2016)

European Parliament. Situation of Fundamental Rights in the EU (2013–2014). Resolution of September 8, 2015. (<http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&language=EN&reference=P8-TA-2015-0286>, дата обращения 01.11.2016)

Foucault M. The Order of Things. New York: Random House, 1970.

Fundamental Law of Hungary, 25 April 2011; translation of the consolidated version of the Fundamental Law as of 1 October 2013. (<http://www.kormany.hu/download/e/02/00000/The%20New%20Fundamental%20Law%20of%20Hungary.pdf>, дата обращения 01.11.2016)

Havel V. The Power of the Powerless: An Essay (1978) // Vaclav Havel's Website. (http://vaclavhavel.cz/showtrans.php?cat=eseje&val=2_aj_eseje.html&typ=HTM, дата обращения 01.11.2016)

Hayward K. Not a Nice Surprise: An Analysis of the Debate Surrounding the 2001 Referendum on the Treaty of Nice in the Republic of Ireland // Irish Studies in International Affairs. 2002. Vol. 13. P. 167–186.

Hoehne M. V. Mimesis and Mimicry in Dynamics of State and Identity Formation in Northern Somalia // Africa. 2009. Vol. 79, No. 2. P. 252–281.

Ilves T. H. OSCEst pääsemine avab Eestile NATO ukse // Postimees. 2001. 14. detsember. (<http://www.postimees.ee/1909611/ilves-oscest-paeaesemine-avab-eesstile-nato-ukse>, дата обращения 01.11.2016)

Kalm V. Avatud ülikool ja tasuline õpe ei kao // Postimees. 2013. 12. märts. (<http://arvamus.postimees.ee/1166336/volli-kalm-avatud-uelikool-ja-tasuline-ope-ei-cao>, дата обращения 01.11.2016)

Karklins R. The System Made Me Do It: Corruption in Post-Communist Societies. Armonk, New York and London: M. E. Sharpe, 2005.

Keudal-Kaiser D. Government Formation in Central and Eastern Europe: The Case of Minority Governments. Berlin: Barbara Budrich, 2014.

Ling L. H. M. Cultural Chauvinism and the Liberal Institutional Order: 'West vs. Rest' in Asian Financial Crisis // Power, Post-colonialism and International Relations: Reading Race, Gender and Class / Ed. by G. Chowdhry and S. Nair. London and New York: Routledge, 2004. P. 115–141.

Lukkari M. Viron itsenäistyminen: kerran me voittamme kuitenkin. Helsinki: Ota-va, 1996.

Niemitz D. Poland adopts new anti-communist law // World Socialist Web Site. May 14, 2016. (<https://www.wsws.org/en/articles/2016/05/14/pola-m14.html>, дата обращения 01.11.2016)

Obama B. Address by President Obama to the 71st Session of the United Nations General Assembly. New York. September 20, 2016. (<https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/09/20/address-president-obama-71st-session-united-nations-general-assembly>, дата обращения 01.11.2016)

Rõivas T. Mis on see üks viga, mille ma olen teinud peaministrina? // Delfi.ee. 2016. 9. november. (<http://www.delfi.ee/news/paevauudised/eessti/roivas-mis-on-see-uks-viga-mille-ma-olen-teinud-peaministrina?id=76218841>, дата обращения 10.11.2016)

Said E.W. Orientalism. New York: Knopf, 2014.

Sakwa R. Russian Politics and Society. London: Routledge, 1996.

Savisaar E. Referendum oli küllalt legitiimne, et temasse uskuda // Delfi uudised. 2014. 14. mai. (<http://www.delfi.ee/news/paevauudised/eessti/savisaar-krimmist-referendum-oli-kullalt-legitiimne-et-temasse-uskuda?id=68673035>, дата обращения 01.11.2016)

Simson K. Kaljulaid May Prove Uncomfortable President for Govt // The Baltic Times. 2016. October 3. (http://www.baltictimes.com/simson_kaljulaiid_may_prove_uncomfortable_president_for_govt/, дата обращения 01.11.2016)

Sputnik. Riigikogu valis presidendi // Sputnik uudised. 2016. 3. oktoober. (<http://sputnik-news.ee/news/20161003/3421030/riigikogu-valis-presidendi.html>, дата обращения 01.11.2016)

Streihammer J. Der große Exodus aus einem kleinen Land // Die Presse. 13.10.2016. (<http://diepresse.com/home/wirtschaft/international/5098721/Der-grosse-Exodus-aus-einem-kleinen-Land>, дата обращения 01.11.2016)

Taagepera R. Baltic Values and Corruption in Comparative Context // Journal of Baltic Studies. 2002. Vol. 33, No. 3. P. 243–258.

Toomla R. Eesti Erakonnad 2000–2010, Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011.

Vabariigi Valimiskomisjon, 2016. (<http://www.vvk.ee>, дата обращения 01.11.2016)

Wallerstein I. The Capitalist World-Economy: Essays. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

Дмитрий Ланко

**Постсоветская трансформация Эстонии:
модернизация или мимикрия?**

Препринт М-53/16

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3А
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 19.12.16
Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.

**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Книги, подготовленные сотрудниками М-Центра:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**,
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О.Л., ред., **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред., **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Gel'man V., Marganiya O., eds, **RESOURCE CURSE AND POST-SOVIET EURASIA:
OIL, GAS, AND MODERNIZATION**. Lanham, MD: Lexington Books, 2010.

Травин Д. **ОЧЕРКИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ. КНИГА ПЕРВАЯ: 1985–1999**.
СПб.: Норма, 2010.

Гельман В., Маргания О., ред.,
ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТРАЕКТОРИИ, РАЗВИЛКИ, ТУПИКИ.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

Травин Д., Маргания О.
МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОТ ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮДОР ДО ЕГОРА ГАЙДАРА.
М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2011.

Гельман В. **ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ. РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ СССР**.
СПб.: БХВ-Петербург, 2013.

Добронравин Н. **МОДЕРНИЗАЦИЯ НА ОБОЧИНЕ: ВЫЖИВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**. СПб.: Издательство Европейского
университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Стародубцев А. **ПЛАТИТЬ НЕЛЬЗЯ ПРОИГРЫВАТЬ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И
ФЕДЕРАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**. СПб.: Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге, 2014.

Заостровцев А. **О РАЗВИТИИ И ОТСТАЛОСТИ: КАК ЭКОНОМИСТЫ ОБЪЯСНЯЮТ ИСТОРИЮ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014.

Gel'man V., Travin D. & Marganiya O. **REEXAMINING ECONOMIC AND POLITICAL REFORMS
IN RUSSIA, 1985–2000: GENERATIONS, IDEAS, AND CHANGES**.
Lanham, MD: Lexington Books, 2014.

Gel'man V. **AUTHORITARIAN RUSSIA: ANALYZING POST-SOVIET REGIME CHANGES**.
Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015.

Травин Д. **КРУТЫЕ ГОРКИ XXI ВЕКА: ПОСТМОДЕРНИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ РОССИИ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

Президент М-Центра — кандидат экономических наук **О.Л. Маргания**
Научный руководитель М-Центра — кандидат экономических наук **Д.Я. Травин**
Исполнительный директор — кандидат политических наук **В.Я. Гельман**